

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ТРУДЫ
ПО
РОССИЕВЕДЕНИЮ**

Выпуск 5

Москва 2013–2014

Коллектив авторов Труды по россиеведению. Выпуск 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38612012

Труды по россиеведению. Выпуск 5:

ISBN 978-5-248-00778-3

Аннотация

Центральное место в очередном выпуске «Трудов по россиеведению» занимают политико-юридические и исторические сюжеты. Особое внимание уделяется конституционно-правовой проблематике (в связи с двадцатилетием Основного закона РФ), а также осмыслению Первой мировой войны – её хода, роли и последствий для мировой и российской истории. Издание продолжает разработку теоретических аспектов россиеведения.

Для специалистов-обществоведов и гуманитариев, аспирантов и студентов.

Содержание

О содержании «Трудов...» и некоторых очередных задачах россиеведения (от редактора)	4
À la recherche du temps perdu 9 : исторические юбилеи 2013–2014 гг	33
Россия в зеркале русской поэзии	61
Современная Россия	75
«Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе»?	75
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Труды по россиеведению. Выпуск 5

О содержании «Трудов...» и некоторых очередных задачах россиеведения (от редактора)

Поначалу намерение объединить два выпуска «Трудов по россиеведению» – 2013 и 2014 гг. (впервые в нашей практике: в 2009–2012 гг. издание выходило каждый год) – было связано с техническими причинами. Однако события этих двух лет неожиданно дали такому решению иное обоснование. Не сомневаюсь, что 2013–2014 гг. есть не только веха послесоветской эпохи, но и шире: российской истории. Эти годы поставили перед русским человеком, обществом и властью центральные вопросы: о свободе и порядке, войне и мире, национальных интересах, задачах, перспективах. И ответы на них получены; они уже определили наше ближайшее будущее.

Нам еще предстоит серьезное объективное исследование того, что произошло с Россией в короткий срок – с осени

2013 до конца 2014 г. Но общий смысл случившегося (а значит, и возможные последствия) понятен. Для разъяснений обратимся к известной книге одного из выдающихся западных исследователей России Р. Пайпса «Русский консерватизм и его критики»¹. Размышляя о том, как в середине XIX в. в России возник новый консерватизм, имевший националистические, а в более крайних случаях – шовинистические, ксенофобские и антисемитские черты, и проповедовавший антизападничество, Пайпс указывал на влияние польского восстания 1863 г. «Как и предшествовавшее ему восстание 1830–1831 годов, оно задело русское национальное чувство, поскольку было истолковано не как законная попытка народа с многовековой историей вернуть себе независимость, а как европейская атака на Россию, – пишет Пайпс. – ... Это в огромной степени способствовало появлению крайнего национализма и усилению ощущения, что только самодержавие сможет сохранить целостность страны»².

Украинское восстание 2013–2014 гг. оказало приблизительно такое же влияние на Россию (скорее, психологическое и политическое, чем интеллектуальное). Попытка Украины окончательно утвердить свою европейскую идентичность (в противоположность советско-российской), свою от-

---

¹ Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2008. – 252 с. – (Библиотека «Либеральная миссия»).

² Пайпс Р. Указ. соч. – С. 154, 159.

дельность от России, завершив тем самым процесс строительства независимой государственности и равноправной нации, задела русское национальное чувство. Потрясение от украинского выбора, воспринятое как предательство (всего: общей истории, общей повседневности, общей победы в Великой войне, общих дел «элит», общих проблем и бед народов и т.д.), способствовало окончательному оформлению в России крайнего национализма, построенного на антизападничестве и имеющего ярко выраженные шовинистические, ксенофобские и антисемитские черты³. Он носит оборонительный характер и оттого особенно агрессивен.

Киевский майдан, остановивший историческое дело «воссоединения Украины с Россией» (символично: в 2014 г. ему как раз минуло 360 лет), сплотил подавляющее большинство российского населения, охваченного националистическим порывом, вокруг «президентского самодержавия». Единение вокруг трона – наш аналог американского сплочения вокруг флага – было вызвано нараставшим (поддержанным и многократно усиленным СМИ) ощущением того, что украинский выбор (на Запад – значит против России) угрожает самому существованию страны. Победоносная операция под кодовым названием «Крым – наш» и затяжное противостояние на востоке Украины отчасти сняли и эти страхи, и опу-

---

³ Последнее – вовсе не оговорка, хотя риторика противостояния «жидобандеровцам» вроде бы этому противоречит. Антисемитизм в России и СССР (да и не только здесь) всегда был спусковым крючком для крайнего, т.е. погромного, национализма. Его основной тезис: спасай Россию! *Как* – всем у нас известно.

стошающее осознание собственного одиночества.

Уязвленная национальная гордость, украинское предательство и западная (американо-европейская) угроза превратили «великоросса» в националиста, заставили забыть о том, что еще вчера он был советским человеком, т.е. убежденным интернационалистом. Лидером же националистического движения стало «самодержавие», своей украинской политикой нейтрализовавшее всех общественных конкурентов – творцов и глашатаев постсоветского русского национализма⁴. Благодаря этому социальная база национализма невероятно расширилась. Теперь почти вся страна – самодержавный «народный фронт», а все националисты-общественники – не более чем идеологическая обслуга (или попросту «медиакричалки» – возбудители ненависти) народного самодержавия/самодержавного народа.

Наконец, украинское восстание привело к окончательному размежеванию российского общества – на сторонников и активистов нового «народного фронта» и его противни-

---

⁴ Ответом на падение коммунизма могли быть у нас либо либерализм, либо национализм. Либеральный (или либерально-социал-демократический) выбор стал бы для России и выбором в пользу Европы. Посткоммунистический национализм в принципе мог быть окрашен в разные тона. Но из 90-х, с их странным сочетанием лучших намерений, опыта свободы, вседозволенности, экономического произвола и торжества социальной несправедливости, должен был выйти национализм защитно-компенсаторного толка, т.е. реакционный и антизападнический (это вещи неразрывные – у нас реакция всегда имеет антизападнический характер). Тенденции к национализации либерализма и либерализации национализма потерпели в современной России окончательное поражение.

ков: явных (публично заявивших о своей позиции, т.е. обнаруживших себя) и потенциальных (затаившихся, несаморазоблачившихся, воздержавшихся). Собственно, так и должно было быть.

Украинский вопрос (чем быть Украине, какую ориентацию выбрать?) является в то же время вопросом русским: кто мы, чем будет Россия? Ведь остаться без Украины, по существу, означает окончательную ликвидацию сферы послеэсээровского геополитического влияния, замыкание в собственных границах и, что хуже всего, полное одиночество (без друзей и союзников⁵). Ответ большинства россиян «озвучила» (одно из главных слов новорусского лексикона, странное и неадекватное для обычного русского уха) власть: раз Украина – не Россия, то Россия – не Европа. Более того, Россия – анти-Европа: есть наш, русский, мир, и он против вашего⁶. Это именно общий ответ (его, в случае чего, не спи-

---

⁵ Дружба всех народов СССР и стран соцлагеря, одной из основ которой было противостояние «капиталистическому Западу», закончилась с СССР. Ее сменила риторика «общих интересов и традиционных связей», но не сами эти связи и интересы. На идее союзничества с Западом, «осенявшей» перестроечные и 1990-е годы, поставила крест Украина. Правда, украинский кризис – итог «большого пути», пройденного в последние 20 лет и нами, и Западом. И мы, и они все эти годы упорно шли в разные стороны, девальвируя капитал разрядки/сотрудничества, накопленный в советские и постсоветские времена.

⁶ Речь идет об окончательном – на данный исторический момент – размежевании. Теперь имеются бессознательные «мы» – и «они», т.е. союз наиболее передовых (в экономическом, технологическом отношениях, в смысле качества жизни и проч.) стран. Наш единственный ресурс в этом противостоянии – армия и флот. Так, во всяком случае, утверждают осведомленные люди (при этом ссылаются на

сать на безответственность власти), о чем свидетельствуют данные социологических опросов. Антизападнические настроения россиян к концу 2014 г. побили все прежние рекорды: около 80% отрицательно относятся к США, видя в них угрозу, и около 70% – к ЕС.

Воинствующее антизападничество стало основой нового исторического консенсуса российского общества и российской власти, сменившего «пакт о стабильности» рубежа 1990–2000-х. Очевидно: его следствием будет не какой-то вариант «восточничества» (и придание образу России соответствующих – по официальному определению, евразийских – черт), а новый приступ изоляционизма.

Из этого властенародного консенсуса выпадает немалая часть общества – его наиболее вестернизированные слои (не составляя социального единства, они прослаивают всю социальную ткань, т.е. являются не слоем, а «прослойкой» – как советская интеллигенция). Новые националисты считают их чуждыми «традиционным российским ценностям». Отчасти это верно – они действительно чужды традиции изоляционизма. Но, как известно, «традиционно русское» этой склонностью не исчерпывается.

В российской истории европеизм занимает столь же сильные позиции, как и антизападничество. Да, России свойственна антиевропейская тяга, какая-то даже необходимость время от времени почувствовать себя не-Европой, побыть

вне и без цивилизованного мира – в одиночестве. Исторически это проявлялось по-разному. В советские – точнее, в сталинские – времена выкристаллизовалось стойкое антизападничество, что в значительной мере объяснялось антимодернизмом сталинского «проекта» (сталинский СССР – это выпадение из modernity, т.е. из современности, в основе своей культурно-ментальное). Но чем больше СССР становился *послесталинским*, тем сильнее было ощущение, что если не пространственно и властно, то уж культурно мы все-таки Европа. Европейские (читай: антиизоляционистские и в этом смысле антисоветские: советский «проект» был изоляционистским – отсюда его постоянная потребность во врагах, милитарный пафос противостояния/чуждости всему миру) ориентации возобладали на «1/6 части земного шара» в перестроечные и в 1990-е годы.

Россия 2000–2010-х унаследовала от поздне- и послесоветских времен массу людей, вестернизированных не в потребительском лишь отношении (вот тут уж мы точно – европейский продукт, наши современные вид и быт – следствие импорта европейских образцов), но и в культурно-ментальном. Для этих россиян проповедь антизападничества чужда и непонятна, потому что они не только считают себя европейцами, но и в значительной степени являются таковыми. В их мировоззрении национальное чувство соседствует с космополитизмом (т.е. с тем, что противоположно воинствующему изоляционизму), ощущением своей принадлежности

к европейской культуре. Их патриотизм окрашен в культурные и гражданские тона. Они предпочитают мирное сосуществование (во всех смыслах и видах) фронтам, агрессии, милитаризму. Поэтому инстинктивно сторонятся нового националистического консенсуса, видя в нем угрозу себе, своему образу жизни, а также общему (российскому) будущему.

По существу, антизападничество/изоляциялизм/национализм (как форма русского имперства) – ответ России 2000–2010-х, т.е. страны, оправившейся от исторического потрясения, определившей, со сформировавшейся «массовой волей» (в смысле: волей масс), позднему СССР, а также перестроечному, горбачевско-ельцинскому прошлому. Эта Россия отказывается от главного в позднесоветско-перестроечном наследии – от настоящей потребности открыться, войти в мир, быть его частью, во взаимодействии с ним искать новые источники для развития. Заодно прощается со всей мировоззренческо-ценностной атрибутикой, которая должна была обеспечивать – и некоторое время делала это – движение в мир и соответствующие этому изменения внутри страны.

Демонтаж оттепельно-перестроечного наследия (традиционно радикальный: по принципу «отречемся от старого мира») шел в последние почти два десятилетия по двум линиям. Прежде всего, по частной, «субъективной». Из публичного поля пропали почти все перестроечные «выдвиженцы» (из разных сфер – политики, экономики, науки, куль-

туры), обществом отторгаются те типы личности («модальные личности») и образцы социального поведения, которые возобладали в перестройку и 90-е. Можно сказать, что новой Россией, возникшей на месте СССР (а это именно *путинская* Россия), отрицается тип свободного человека, все формы его самовыражения. Кроме того, первая половина 2010-х стала пиком отрицания демократического «проекта» на мировоззренческом уровне (т.е. его отрицания по существу). А значит, это неизбежно должно было приобрести – и приобрело – политические, экономические, культурные и прочие формы. Из России 2010-х изгнаны темы свободы, гражданской ответственности, самодеятельной солидарности. Современная русская жизнь строится на прямо противоположных основаниях.

Строится, надо сказать, органически – снизу вверх. Но в оформлении этой привычно-органической коллективной тяги – к жизни в несвободе (изоляциялизм, безусловно, рамка, способ оформления такой жизни) – большая заслуга нынешней власти. В последние двадцать лет «верхи», немало потрудившись, вернули все, что потеряли в 90-е: контроль над политикой, экономикой, культурой, сознанием и поведением «народных масс». Они вновь – руководящая и направляющая сила нашего общества. При этом «новые управленцы» обошлись без всяких КПСС (а также комсомолов, профсоюзов и других массовых организаций). Однако активно эксплуатировали советское наследие – во всех отношениях: раз-

веданные запасы углеводородов и прочие «богатства недр», советские здания и учреждения, советское кино, врожденную способность миллионов людей мыслить по-советски и т.п. То есть употребили себе на пользу и «базис», и «надстройку».

Для новорусских элит 1990-е действительно оказались провальными, а 2000–2010-е – победными. Они восстановились как «господствующий класс», т.е. вернулись к традиционному типу самореализации, традиционной модели взаимодействия с народом (в режиме «правлящие–подвластные»). В то же время «верхи» сняли с себя многие прежние (исторические) ограничения и приобрели тем самым новые преимущества. Не случайно в качестве основы легитимности они выбрали главную историческую русскую победу – 1945 год: победители могут быть наследниками только победителей. Здесь же – их ценностная, идеологическая смычка с народом, из которого они вышли и от которого теперь страшно далеки (в потребительском, экономическом отношении).

Типологически строительство новой русской социальности напоминает переход от послереволюционных 1920-х к сталинскому СССР. «Сталинское» – органика, основа, суть советской системы, здесь ее народные начала. А двадцатые – время переходное, органичное для разного рода «меньшинств», допускавшее некоторый выбор и разнообразие. И как раз в этом смысле – антинародное. Несмотря на то

что именно в такие, переходные, неорганичные для традиционной русской социальности, эпохи формируется гораздо больше возможностей для самореализации человека, чем в периоды разного рода «хождений строем», закреплений. Вне тотальных ограничений/запретов/принуждений, собственно, и рождаются, и самоутверждаются традиция/традиционное. К примеру, в 1920-е русская деревня, отказавшись от тех форм, что предлагала ей царско-виттевско-стольпинская, образованная и европейская Россия, ответив на предложения революцией, вновь обустроилась на общинных основаниях. Ничего более традиционного и органичного и придумать нельзя. Но в 1930-е народная власть выбила крестьянство с выбранного им пути. И окончательно утвердилась в отношении к народу как к биологически бесконечному («массе», простому множеству), сделав это основой своей политики.

Тем не менее 1930-е и 2000–2010-е – в равной степени плод и народной воли. Нынешняя публичная риторика о праве большинства (на все) и бесправии тех, кто в эпоху «окончательного народного самоопределения» оказался в меньшинстве, в этом смысле не случайна. Эпоха 1990-х с ее тягой к либерализации, перестройке советской социальности на основе культурной, гуманизирующей традиции (эта тяга не раз проявляла себя в русской истории, а потому столь же традиционна, как и тяготение к самодержавно-крепостническим порядкам) – действительно проходная на народ-

ном пути.

Но вот что интересно. Для исторической легитимации отрицания времен перестройки/реформ нам не хватило обращения к «брежневскому СССР» или легенде «андроповского поворота». (Хотя это оправдано и с исторической, и с символической точек зрения: «застой» и «революция сверху» суть альтернативы «революции снизу» – против системы и за свободу, безусловно, имевшей место на рубеже 1980–1990-х.) Чтобы убить 90-е в себе, современной России потребовался «Сталин»: и соответствующий опыт («нормализация»/оправдание террора – всегда разрешение на насилие), и мифология торжествующего тоталитаризма (это нелюбимое у нас слово употребляется здесь именно в мифологическом значении – как название для системы, где тотальная народная воля слилась с тотальностью народной власти). То есть отказ от перестроечно-демократического наследия, ориентирующего на всемирность/европейскость России, потребовал предельной (по своим внеморальности и антиэстетизму) легитимации. И дело здесь не только в яркости, интенсивности, привлекательности, энергетике того, в полном смысле слова перестроечного, времени. В том лучшем, что в нем было, оно соответствовало современности – стремлению к устройению мира на тех началах, которые были бы более щадящими по отношению к человеку, нормализовывали его жизнь, гасили в нем худшее.

Никто тогда не знал, как это сделать, но такое намерение,

массовая воля к такой перестройке были. И это естественное стремление, по-человечески понятный выбор. Теперь народная воля торит у нас дорогу в каком-то другом направлении. Уже сейчас ясно: на этом пути нация может забыть одно из главных, выстраданных исторических ощущений – переходившее из поколения в поколение переживание войны как катастрофы, трагедии, ужаса. В советском человеке «сидел» страх войны – как внутренней, так и внешней. Источниками этого страха были Гражданская и особенно Отечественная с их многомиллионными жертвами. И на властвующих, и на подвластных страх войны оказывал сдерживающее воздействие: в послевоенном (и, конечно, послесталинском) СССР, несмотря на всю его милитарность, никто не хотел воевать. Уже навоевались.

Постсоветский человек подзабыл «старые» страхи, хоть это и стыдно, и невозможно – после таких-то жертв. Победный милитаризм стал для него лекарством от новых. Наш человек и до Украины был не прочь повоевать – чтобы уважали, чтобы боялись, чтобы понимали: все, что вышло из СССР (ну, почти всё), – наше; свое нынешнее постимперско-постсверхдержавное положение мы оцениваем как унижительное. Украинская «гражданская» принесла войну в Россию.

В 2014 г. война из идеи, образа, возможности превратилась в реальность; с помощью СМИ вошла в каждый дом, сопровождает повседневную жизнь миллионов людей. Иначе

говоря, война из внешней стала внутренней; политика власти и общественные отношения все больше определяются формулой: кто не с нами – тот против нас. Ничего нового здесь нет – так в нашей истории уже было. За несколько месяцев 2014 г. мы прошли путь, очень напоминающий дрейф постимператорской России от февраля к октябрю 1917 г. В стране создана атмосфера, в которой возможно все.

Пока неясно, какие конкретные формы примет эта гражданская, кто попадет под «санкции» (внутренние – от «фронтального» сообщества). Но в самом общем смысле перспективы очевидны. В конце 1980-х годов в СССР был демократический подъем – и произошла демократическая революция. В России середины 2010-х налицо реакционный подъем – а значит, вероятен реакционный переворот.

Вот тот контекст нашей жизни, от которого никуда не уйти и который подлежит постоянному обсуждению. Мы убеждены, что вне определенной точки зрения на происходящее сейчас в России и в мире⁷ невозможно толкование ни нашей современности, ни нашего прошлого. Без этого бессмысленно (лишено социального значения) любое интеллектуальное высказывание. Поэтому нам было важно представить читателю нашу позицию, наше видение этого контекста.

События 2014 г. заставляют нас скорректировать то по-

---

⁷ В «украинской истории» мир, кстати говоря, вторичен, выступает в роли «отвечика» – вызов формирует Россия. Кажется, мы вновь ньюсмейкеры. Это, безусловно, тешит национальную гордость.

нимание задач россиеведения, которое было сформулировано в первом выпуске «Трудов ...». В 2009 г. и представить себе было невозможно такой вот поворот русской истории. В общем, и тогда было ясно, что прощание с коммунистическим прошлым оказалось крайне сложным, длительным, болезненным. Но мы, конечно, не понимали и по объективным причинам не могли понять, что выход из коммунизма станет входом в новый полицейский авторитаризм, что русский транзит превратится во что-то вроде пересылки из одного лагеря в другой. Точнее, из лагеря – в поселок расконвоированных: режим помягче, но места пребывания все те же – заключение.

Социальная наука и россиеведение, как одно из ее направлений, при всем разнообразии позиций и подходов исходили из презумпции, что после тоталитаризма на разных скоростях и с разной мерой успеха общества двинутся в сторону демократии. Это состояние трудно определить в строго научном смысле. Слово «демократия» весьма расплывчато. В нем налицо и туманность, и метафоричность. Но все же очевидно: демократия – антипод тоталитаризму с его террором и отсутствием свободы.

События 2014 г. сломали эту парадигму, этот своеобразный общественный договор, эту надежду. Оказывается, после тоталитаризма можно выйти на станции под названием «полицейский авторитаризм» и даже, если граждане возжелают, пересесть на поезд, идущий на станцию «новый тоталитаризм».

литераризм». Соответственно, россиеведение, как попытка понимания России, должно работать над этой темой. Если работа окажется успешной, то она станет каким-никаким противостоянием и противодействием движению в этом направлении.

В рамках объединенного выпуска мы хотели посвятить 2013 год 400-летию династии Романовых, а 2014-й – началу Первой мировой войны. Юбилейный «романовский» раздел в сборнике не получился. Это и понятно: безусловно, важнейшая дата отечественной истории – 400-летие Дома Романовых – сегодня по-настоящему никого не волнует. Конечно же, ведь «Романовы» – это не династия, это история новой России. «Новой» я называю ту Россию, которая из древности, из предыстории, из своего беспамятства постепенно переходила в современное состояние: становилось страной с современным устройением государства, экономики, политики и проч., с современным обществом, с современной, мирового уровня культурой. Рассказ об этом В.О. Ключевский считал нашей автобиографией. Жаль, но сейчас России не до истории этого перехода, этого превращения.

1914 год получил отражение в данном выпуске «Трудов», но не в том смысле, который мы предполагали. Одна из причин: столетие Первой мировой не стало тем, чем должно было стать для нашей страны. А ведь это событие – рубежное, в каком-то смысле даже решающее. Именно 2014-й создаст рамку общественного восприятия 1914–1918 гг. в России –

и, видимо, надолго. История той («забытой») войны закрепится в нашей памяти так, как мы «прочитаем» ее сейчас.

Юбилей мог (более того, должен был) послужить тому, чтобы русские вспомнили: сто лет назад их предки были вынуждены участвовать в войне, которая и по сей день определяет существование человечества. Мы ведь еще до конца не поняли, что именно из Первой, а не из Второй мировой войны вырос наш мир. Сегодня модно рассуждать на тему: можно ли было избежать Первой мировой? Что нужно было для этого сделать? С одной стороны, эти вопросы кажутся чуть ли не бессмысленными. Наверное, да, но ведь не избежали. Убедительно ответить на вопрос «почему?» не могут ни профессионалы-историки, ни политики. Невозможно перенести опыт той эпохи в нашу. С другой стороны, только этот вопрос в действительности и является актуальным: зная, *что* произошло сто лет назад, понимаешь, *как* не допустить повторения.

Однако наше видение Первой мировой по-прежнему определяет не сущностное, а текущее, «заказное». Юбилей ушел на решение большой государственной задачи – превращения войны, которую мы полагали империалистической (захватнической, преступной), в Отечественную: оборонительную, справедливую, народную, героическую. Первая мировая как мостик между 1812 и 1941–1945 гг. – вот по существу формула нынешнего отношения к той войне. В ней мало от истории – она служит идеологии.

И в этом смысле юбилейный год ставит перед нами еще один вопрос: в какой связи находятся у нас история и память? Представляется, что для россияневедения это важный теоретический вопрос. В самом общем виде ответ на него понятен – и он не особенно радует. «Обращая» историю в память (вполне естественная социальная операция), мы, русские, каждый раз демонстрируем, что не стремимся сохранить наследие, понять прошедшее, обратить это понимание на обустройство настоящего. Нам свойственно попадать в плен актуальных представлений о «пройденном», обусловленных не исторически, а политически.

Характерно, что современная Россия, самоопределяясь во времени, перекидывает мостик не в будущее, а в прошлое. В этом ее принципиальное отличие от «советского проекта» и от *постсоветских* 90-х. При этом, оглядываясь назад, мы применяем неточную, «сбитую» оптику: более чем когда-либо, готовы перекрыть всю свою историю воспоминаниями, составляющими русскую гордость, представить прошлое сплошной летописью побед и свершений. Особенно показательна в этом смысле отношение к XX в.: ставя перед нами болезненные, страшные, неразрешимые даже вопросы, эта история сопротивляется «оптимизации», улучшению, героизации. Но столетие Первой мировой еще раз продемонстрировало: «переделка» прошлого – в воображении, памяти – будет продолжаться.

Мы не готовы извлекать смыслы/уроки из истории; эта ра-

бота в настоящее время лишена социального значения. Память для нас – как волшебное зеркало: работает по принципу позитивного искривления, показывает только лучшее. Неадекватность отражения мало кого смущает; главная задача момента – нравиться себе. Это желание кажется вполне естественным, но в социальном отношении оно порочно. Опьяняюще-расслабляющий, дурманный эффект «кривого зеркала» краткосрочен: рано или поздно придется возвращаться в реальность. Привычка же видеть себя только с лучшей стороны, утрата навыка к критическому самопознанию затрудняют возвращение.

Нынешние отношения с прошлым демонстрируют, как мало в нас исторического чутья, насколько ограничено ощущение своей вписанности в историю. Современная Россия, кажется, более всего озабочена защитой памяти о Великой Отечественной войне. Но здесь как раз все уже состоялось. О советских солдатах, как бы там ни поворачивалась политическая конъюнктура, и через столетие скажут: воины-освободители, «Родину спасшие». Они это заслужили – великой исторической жертвой и великим историческим подвигом. Проблема не в них, а в нас – с чем мы войдем в историю.

К привычному «жить трудно, но можно терпеть» (так определяют свое жизненное кредо большинство наших граждан с тех пор, как социологическим службам было позволено интересоваться их мнением, т.е. с конца 1980-х), в последние годы прибавилось: отстоим традиционные ценно-

сти, «развалинами рейхстага удовлетворен» (об этом заявляет чуть ли не каждый автолюбитель), «день победы – каждый день», «оптимизация», «коррупция – историческая русская болезнь», в западных идеях – губительная сила, «кризис – прорвемся», антикиллер-антимайдан. И т.д. Как ничтожно мало для того, чтобы не быть, но хоть выглядеть продолжателями исторических русских дел! Мы как будто не понимаем, что настоящее – это наш вклад в исторический опыт нации, ее будущие воспоминания. Как будто предлагаем и тем, кто будет после нас, смотреться в кривое зеркало.

Еще одной важной, а может, и важнейшей темой этих «Трудов по россиеведению» является 20-летие Конституции РФ. Мы – не юридическое издание. Как это было декларировано в предисловии к первому выпуску «Трудов...» (2009), мы пытаемся следовать по тому пути, который М. Раев, один из крупнейших русских историков в эмиграции, назвал: *understanding Russia*. И Конституция интересует нас именно в этом смысле: какую роль она играет сегодня, где ее корни, может ли она стать, как во многих западных странах, основой национальной идентичности, гражданского («конституционного») патриотизма.

Конечно, в последние годы эти вопросы все больше обретают качество риторических. Сейчас, скорее, припоминается, что на Руси (и в московские, и в петербургские времена) право понималось как крепостное, как обычное, а в СССР торжествовала карательная и чрезвычайная юстиция. Тра-

диция правового либерализма, кажется, совсем забылась, а слово «патриотизм» употребляется лишь в одном значении: милитарно-изоляционистском. Но все-таки: на дворе XXI век – и человечество отдает предпочтение не диким и варварским, а цивилизованным формам общежития. Да и большинство наших граждан тоже не против этих форм – как более для них безопасных. В принципе – не против.

В материалах этого выпуска обсуждаются и другие актуальные вопросы: о российских внешнеполитических ориентирах и общественных ориентациях, о национализме и консерватизме, о бюрократии и бюрократизме, о государственной политике в отношении прошлого. И вот что поразительно. Темы из прошедшего и настоящего не просто перекликаются, но продолжают друг друга, «сцепливаясь» в некое единство. С такой многомерной временной площадки особенно очевидна, зрима несовременность нашей современности. Сюжеты и персонажи дня сегодняшнего как бы всплывают из прошлого; нынешние события, решения, реакции кажутся ответом на вчерашнее и позавчерашнее, следствием того опыта.

Навязчивое ощущение дежавю вполне объяснимо. Уже не первый раз в своей истории мы пытаемся ответить на вопрос: как построить наш мир на современных началах, т.е. на основе свободы и взаимной ответственности – для свободного человека. И даем ответы, которые, разнясь по форме (в соответствии со временем), совпадают содержательно – в глав-

ном. Мы не можем и не хотим организовываться на таких началах. Русский мир их отторгает – причем именно тогда, когда они начинают в него вживляться, в нем утверждаться.

Так случилось, что очередной окончательный отказ от свободы, т.е. от современных способов социальной организации, пришелся на наше время. То, что он приобрел крайние, малоприличные, подчас неадекватные формы, не случайно. Это непосредственная реакция на демократию – не только на результаты ее строительства, которые (как и «реальный социализм») ничего общего не имеют с исходной идеей и западной практикой, но и на демократию как принцип социального устройства, как социальный идеал.

Отведав этих плодов, наш человек осознал, насколько они ему не по вкусу – интонационно, поведенчески, институционально, всячески. Раздражают несоответствием каким-то глубинным, «корневым» началам обычно-привычной жизни. Пожалуй, только этим можно объяснить повышенную эмоциональность, странную взвинченность, даже легкую истеричность общественных настроений «против перестройки», «против Горбачева», «против демократов», «против 90-х». Ну, невозможно было все это выносить! Как только «наверху» задвигались, заговорили, закомандовали привычным образом – все как-то сразу успокоилось: наконец-то – вот теперь все устроится.

И действительно устроилось – так, как и можно было ожидать, памятуя прежний опыт: в «вертикаль» – экономиче-

скую, политическую, культурную, мировоззренческую⁸. Теперь, как прежде, наша жизнь выстраивается оттуда; все задачи и интересы, кроме «вертикальных», – мелочи, которыми можно пренебречь. Оказалось, наш человек способен отступить даже от традиционного: «Я их не трогаю, никуда не лезу, а они пусть не мешают мне жить» (социологический факт: так описывают «низы» свои отношения с «верхами»). Он готов пожертвовать свободой частной сферы и своим правом потреблять, т.е. «народным наследием» 90-х. Понятно: одни дали – другие взяли, коль смогли – так поприжали, не бунтовать же, в самом деле. Свои люди – сочтемся. Вот здесь в глубинной потребности в «вертикали» – источник нового, «послекрымского» властенародия.

Всё это реакции общества, по преимуществу несвободного, на распространение в нем свободы. Наша социальность столетиями формировалась как несвободная; основа московского самодержавия и петербургского имперства – кре-

---

⁸ И это тогда, когда весь мир (цивилизованный, т.е. такой, в котором есть место для человека) идет в прямо противоположном направлении: организуется через «горизонталь». Основной принцип современной жизни, современного социального устройства – не властный, а общественный. Нынешний субъект развития – не персонификатор Власти (а значит, и не привластные силы, не бюрократический аппарат), но человек, им порожденные сетевые структуры. Современный человек – это «человек горизонталь». Наш же доминирующий социальный тип нацелен на «вертикаль». Она у него в голове, он переносит ее в жизнь, на этой основе строит все общественные отношения и институты. То есть постоянно воспроизводит прошлое – старый, не оправдывающий себя даже у нас способ социальной организации.

постнический порядок. Русское массовое общество создалось – в рамках советского «проекта» – как тотально несвободное (и потому закрытое, отчужденное от всех других). Если исходить из теоретической посылки, что разные общества – это соединение различных типов модальных личностей, то специфика общества российского состоит в том, что в нем модальной была и остается личность несвободная. Причем за XX столетие она осознала и приняла свою несвободу как основу существования. Цель этой личности – адаптироваться к условиям несвободы, встроиться в систему, которая этим условиям соответствует (здесь неважно, как она называется: самодержавно-крепостнической, командно-административной, авторитарной, полицейской).

Обменять свободу на блага, которые дает система, – вот жизненная установка личности такого типа. Равнодушие (к любому другому), неучастие (во всем общественном), единомыслие (в смысле: молчание как согласие) – необходимые условия обмена. Практикующий все это человеческий тип – основа несвободного общества. Стоит ему отказаться от принятых в нем условностей, от доминирующего мировоззрения (от взгляда на мир с точки зрения несвободного человека: я (как и все) – несвободен, мы – правы, в этой правоте – наша сила), и это общество рухнет. Для того чтобы оно существовало, нужна и соответствующая система власти: та, что есть, – гарант и охранитель несвободы, этой главной общественной скрепы.

Если бы «русская система» была замкнута только на себя, никак не зависела от окружающего мира, она могла бы жить и жить по своим понятиям. Но временами остро ощущает эту зависимость и свою неустойчивость (из такого рода переживаний рождались в России оттепели и перестройки). Система этого типа внутренне нуждается в «достройках»/«подпорках» – в технологиях общения с современным миром. Они восполняют ее дефициты, позволяют адекватно реагировать на внешние вызовы, т.е. не отставать, держаться в «строю», соответствовать цементирующей «нацию» идее: «большая страна – большая историческая судьба».

Впервые жестко и последовательно за этими технологиями пошел Петр I – в прямом смысле: на Запад – современность уже тогда имела европейское лицо. Попутно создал страту людей, умеющих («наученных» – на Западе, Европой) обращаться с этими технологиями. Так, из внутренней потребности традиционного порядка соотносить себя с миром, встроиться в современность (быть современным) в России появилась европеизированная субкультура (меньшинство). Созданная для нужд системы, она постепенно наращивала субъектность и стала своего рода «внутренним Западом». Чем успешнее эта социальная страта справлялась с задачей обслуживания системы, тем быстрее шел процесс ее самоопределения. Субкультура русских европейцев «строилась» вокруг тех тем, которые противоречили логике системы. Поэтому, действуя в ее рамках, она являлась в то же

время оппозиционным, антисистемным элементом. Со временем и сам традиционный порядок, закрепивший несвободу как принцип социального существования, приобретал новые измерения, новые качества. Разлагались «основы»; Россия (вся: власть, «верхи», «низы») менялась – сложно, мучительно, с трудом сохраняя равновесие. С отмены крепостного права процесс изменений стал необратимым. Обустроиваясь на новых началах, страна добилась невиданных успехов. Но когда к грузу старых и новых проблем добавилась мировая война, не выдержала – рухнула.

Типологически сходным образом преобразался послесталинский СССР. В нем тоже сложился «внутренний Запад» – из вызовов НТР, глобализации, разрядки, послевоенной гуманизации и социализации (в смысле: «больше социализма») Европы. Он, конечно, был другим, чем в дореволюционной России: не «верхним» общественным слоем (подобно дворянству), а вестернизированной «прослойкой», осваивавшей западные потребительские стандарты и транслировавшей их (как желанную модель/образ жизни) «в массы». Общество-то уже было массовым. Но тема свободы – в иных, конечно, формах – была ведущей и для представителей этих страт. Хотя «советский Запад» мыслил «освобождение» как торжество потребительской свободы и был гораздо менее просвещенным и неизмеримо более конформным, чем исторический предшественник, его представители «работали» на открытие страны, ее синхронизацию с мировыми ритма-

ми. То есть выполняли свою традиционную социальную роль – искушали «системное большинство» призраком свободы и дарами «мира потребления» (материальными, интеллектуальными, культурными). Большинство, надо сказать, искушения не выдержало и легко сдало систему. Пользуясь «дарами», всячески поносит «искусителей», перекладывая на них груз ответственности за крах «старого порядка».

Итак, тип свободного человека не случаен и для нашего, по преимуществу несвободного общества. Он создан (как и многое у нас, «сверху» – властью) для контактов с внешним (а именно: западным) миром – чтобы осовременивать свой, русский. Поэтому его западничество (и вольнодумство или, по-русски, инакомыслие, и антисистемность) – не случайность, а результат истории, своеобразия русского развития. Притом что он несовместим с этим типом общества, которое упорно сохраняет и сберегает себя как несвободное, свободный русский человек постоянно ищет в нем свое место. И в этом его историческое право. Но на каждом очередном переломе от свободы – к несвободе этот поиск становится небезопасным и даже трагическим.

В начале 2010-х поиск обрел форму, для нас неожиданную и странную: Болотной. Это тоже реакция на перестроечное время, но реакция положительная. Болотная – бунт человека, осознавшего себя свободным, а общество, в котором он живет, – несвободным. Это выступление по сути своей не антивластное (хотя оно обрело форму политического протеста).

ста), а антисистемное: за свободу и западничество как русскую традицию. Не случайно националистический консенсус «верхов» и масс образца 2014 г. является в основе своей антимайданным и антиболотным. Его характер – охранительный, запретительный. Он направлен против свободы выбора (в любой сфере, внутри и вовне страны), за восстановление права на несвободу для всех и для каждого: как всеобщего и обязательного.

Внутренний выбор в пользу несвободы получил и внешнее оформление. Россия закрывается. Слова по звучанию высокие – напоминают горчаковское: Россия сосредоточивается. Но смыслы – самые низкие. Мы (как сообщество) отказываемся от решения тех проблем, с которыми был связан очередной выход в мир. Изоляция – не возвращение на единственно верный (потому что традиционный) путь, а капитуляция: признание своей несовместимости с современностью. Поэтому мы сейчас так заняты кем и чем угодно, зациклены на других (соседях, плохих и хороших, бывших друзьях, исторических врагах) и совершенно забыли о себе, о своем настоящем. Потому и внешний мир воспринимаем как чужой и враждебный: это лучшая точка зрения на себя, лучший мотив для изоляции. Способ, который Россия выбрала для ухода от (из) мира, вполне традиционен. Милитаризация/мобилизация (в тех или иных формах) – необходимое условие для реанимации «порядка несвободы». Он наиболее эффективен именно в ситуации чрезвычайщины.

Сейчас, как никогда, понятно: курс России на несвободу/изоляцию – это ошибка. Во всех отношениях. Движение по этому пути грозит тем, что страна может оказаться на каких-то уж совсем последних рубежах. Там речь пойдет не о вечной и высокой цели: как нам обустроить Россию, а о том, как вернуться к нормальной жизни. Отрезвляющий инстинкт выживания рано или поздно вернет нас из миражей прошлого в настоящее, из изоляции – в мир, в современность. Но здесь возникает главный русский (третий – после «что делать?» и «кто виноват?») вопрос – о цене: какой ценой будет оплачен такой поворот?

И.И. Глебова

*À la recherche du temps perdu*⁹ : *исторические юбилеи 2013–2014 гг*

Настоящее имеет одну важную особенность: целиком захватывая человека, погружая его в водоворот каждодневных дел, оно как бы парализует у него чувство времени. Кажется, что мир существует только здесь и сейчас; образы прошлого и будущего, иногда всплывающие в потоке повседневности, кажутся призрачными, иллюзорными, не имеющими связи с сегодняшним днем. В действительности все, конечно, не так.

Наше прошлое, как и наши представления о грядущем, и есть мы. Поэтому постоянный разговор о минувшем (в смысле: бывшем, а не миновавшем), его переосмысление с позиций настоящего необходимы для самоопределения и самопонимания. Это возвращает нас во время, задает темпоральное измерение нашей жизни (обеспечивает ей необходимые для развития «долготу и широту»).

Руководствуясь этими соображениями, мы и решили предложить нашему читателю этот текст. Он – об исторических юбилеях прошедших двух лет. Не претендуя на исчерпывающую полноту, сосредоточившись на главном, мы хотели бы напомнить, следствием какой истории является сегодняшний день.

---

⁹ В поисках утраченного времени (франц.).

Год 2013-й

В 2013 г. мы не знали, каким окажется следующий. И потому наши обращения к прошлому были пропитаны атмосферой еще относительно «мирного» времени. В сегодняшнем контексте многое, наверное, виделось бы иначе. Однако не будем переделывать того, что написано в 2013 г.

Исполнилось пятнадцать лет со дня дефолта. Это, конечно, рубежное событие, и его нельзя редуцировать к финансово-экономическому краху ельцинской России. В отличие от подавляющего большинства исследователей, мы не считаем квалификацию 1990-х как «лихих» исчерпывающей. Более того, не «лихость» была в 90-е главным. Дефолт обнажил два, казалось бы, прямо противоположных результата трансформации России в конце XX в.

Гайдари-чубайсовский «рынок» оказался нежизнеспособным. И рухнул, чуть не похоронив под своими обломками страну. Но, как ни парадоксально, буквально через несколько месяцев началось ее выздоровление (пусть и относительное). Обычно заслуга в этом приписывается мудрому Е.М. Примакову, опытному Ю.Д. Маслюкову, хитроумному В.В. Геращенко. Безусловно, эти люди сыграли свою положительную роль. Однако только их ума и умения не хватило бы. Вдруг открылось, что при всех громадных провалах, глупостях, неадекватности все-таки были созданы базовые

институты рыночной экономики и современной политической системы. Да, далекие от совершенства. Да, еще коряво и неэффективно функционирующие. Да, еще непрочные. Но они имелись. И именно это, с нашей точки зрения, существенным образом помогло команде Примакова–Маслюкова–Герашенко отвести Россию от пропасти. Вот уж действительно диалектика социального процесса.

За пять лет до дефолта, в конце сентября – начале октября 1993 г., в Москве прошла гражданская война. Вообще, тот 93-й был для нас не менее грозным и, как говорили во времена перестройки, судьбоносным, чем известный 93-й – французский. Мы уже давно забыли об этом, но напомним: и войска вводились в столицу, были и кровавые демонстрации, и общероссийский референдум 25 апреля о доверии к власти.

Финалом же этого страшного времени стали 3–4 октября, когда в непримиримой схватке столкнулись силы красно-коричневого реванша и те, кто не хотел обратно в СССР. Конечно, мы огрубляем, спрямляем, на что-то закрываем глаза, но в целом это так. Расстрелом Белого дома было доделано то, что начал в середине 80-х Горбачев, а затем подхватил Ельцин: уничтожение советско-коммунистической системы, расчистка социального пространства для строительства новой России.

Исключительно важным оказался первый шаг, который сделала «партия Ельцина» после своей победы. Это приня-

тие новой Конституции. В ней была юридически закреплена победа тех, кто был устремлен в будущее и очерчены рамки, в которых в дальнейшем должен был развиваться социальный процесс (общество). Это одна из самых больших побед молодой русской демократии. И сам факт принятия Основного закона, и его фундаментально образующая и упорядочивающая социально-политическая роль подвели черту и под антисоветско-антикоммунистической революцией, и под гражданской войной.

Несмотря на более поздние и весьма существенные изменения в ее тексте, эта Конституция, в большей или в меньшей степени, доказала свои «качественность» и адекватность. Правда, с годами все более и более понятным стало следующее. Главная оригинальная черта нашей Конституции хоть и облекает в юридическую форму определяющую особенность русской политической традиции, т.е. вполне соответствует ей, но одновременно является и основным политико-правовым тормозом успешного развития страны. Известно, что в ходе своего исторического развития Россия выработала особый тип власти: это не ограниченная практически ничем тотальная власть над обществом, олицетворяемая одним человеком. В современных условиях это зафиксировано в уникальной, нигде больше не встречающейся конституционной модели: президент не вписан в систему разделения властей, но стоит над ними. Все три ветви власти являются по отношению к нему функциональными. Он

лишь один – субстанция. Безусловно, такую систему можно назвать президентским самодержавием. Кстати, так же было и в первой русской Конституции (апрель 1906 г.). Дальнейшее развитие страны показало, что подобная диспозиция ведет к установлению жесткого авторитарного режима, дает возможность отказаться от смены людей во власти. К тому же она чревата переходом к новым формам вождизма.

1983 год сегодня уже кажется чем-то давно бывшим. Но содержательно он актуален по-прежнему. Это год Ю. Андропова. Он столь же странен, таинственен, неопределен, как сам Юрий Владимирович. С 30-летней дистанции хорошо видно, что в 83-м соединены, казалось бы, взаимоисключающие события и тенденции.

С одной стороны, физически ощущался запрос общества на перемены и даже готовность к ним. И новый генсек давал все основания предполагать, что это возможно. Начиная с его совершенно революционной откровенности: мы не знаем общества, в котором живем. И это прозвучало из уст верховного хранителя абсолютной истины в последней инстанции! Через несколько лет мы будем поражаться тому, что в официальных СМИ появятся осторожные сомнения в абсолютной интеллектуальной непогрешимости сначала Маркса, а потом и Ленина. Но на старт будущих прорабов перестройки, безусловно, вывел этим своим признанием Андропов.

С другой стороны, он начал перетряску людей в высших партийно-государственных органах, борьбу за усиление дис-

циплины. И это уже могло рассматриваться двояко: как попытка оздоровить общество или как пролог нового террора. Кстати, возможно и соединение того и другого: «оздоровление» общества через террор (здесь важнейшее: кавычки). Атмосфера того года – смесь надежд и тревог со все бóльшим нарастанием последних. Ясно: это была попытка вырваться из болотной трясины позднего брежневизма. Требовался свежий воздух. Но мы никогда не узнаем, что нас ожидало, если бы Юрий Владимирович вскорости не скончался: морозный воздух лагерного утра или прочищение легких глотками приближающейся свободы.

1968 год. Пражская весна. Последняя попытка построить социализм с человеческим лицом. Наши танки прокатились по этому лицу. Очевидно: первая в мире страна реального социализма растоптала социалистическую идею навсегда. В том смысле, что после 1968 г. социализм возможен лишь как частичный вариант общественного развития. То есть наряду с другими «измами». В том году советская верхушка, защищая собственные интересы, а также интересы «своей» страны и всего соцлагеря, принесла в жертву идею демократического открытого социализма. Это такая месть того, что мы называем *Realpolitik*, тому, что мы называем социальной утопией. Заметим: утопией весьма благородной. У замечательных советских, русских историков М. Геллера и А. Некрича есть знаменитая книга «Утопия у власти»¹⁰ –

---

¹⁰ Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти. – М.: МИК, 2000. – 856 с.

одно из лучших исследований по истории СССР. Но после оккупации Чехословакии мы бы назвали советскую историю «Realpolitik у власти». И хотя идеологически-утопическая составляющая оставалась на поверхности огромного советского моря, это уже, скорее, напоминало мусор на водной глади после шторма.

Реагируя на нашу интервенцию, А. Галич написал: «Граждане, Отечество в опасности! Наши танки на чужой земле»¹¹. Конечно, это моральный приговор. Но с исторической точки зрения, пожалуй, важнее другое. На чужой земле наши танки вбили в землю советскую оттепель. Вскорости уничтожат «Новый мир» Твардовского, начнется массовое избиение инакомыслящих, а в 1974-м Александра Исаевича вышвырнут из страны. Но Прага-68 – главное событие в сложном процессе уничтожения советских демократических надежд. Совершенно случайно вспоминается: первые после сталинские годы остряки называли эпохой реабилитанса. По звучанию похоже на ренессанс, с которого начинается история европейской свободы. Но мы из реабилитанса попали в несвободу.

И последнее об этом событии. А.Л. Галич наивно полагал, что наши танки на *чужой* земле. А вот Л.И. Брежнев, Политбюро, коммунистическая номенклатура и абсолютное большинство советских людей считали эту землю *своей*. Отвое-

---

¹¹ См.: Весь Александр Галич (1918–2003): К 85-летию со дня рождения. – М.: Мороз рекордс, 2003.

ванной у германцев, обильно политой нашей кровью, благодетельствованной самым совершенным в истории человечества социальным строем. В Realpolitik это вылилось в то, что на Западе назвали «доктриной Брежнева». Вашингтон признал: страны социалистического блока – исключительная сфера влияния СССР. Тем самым, кстати, констатировалось, что у США есть своя сфера исключительного влияния. Соперничать в открытую можно было лишь в неких третьих сферах. При всей монструозности (одно из любимых словечек И. Бродского) такого раздела мира это придавало некую устойчивость и определенность. В общем, договорились.

Сегодня мы пожинаем поздние плоды этой интервенции. В середине 80-х в Кремль придет, видимо, последний в истории социалист с человеческим лицом. И позволит странам Центрально-Восточной Европы, более того, даже странам империи СССР то, что обещал, но никогда бы не выполнил человек, к светлomu имени которого постоянно апеллировал Михаил Сергеевич: самоопределение вплоть до отделения. Что и произошло. Но в сознании советско-постсоветских людей так навсегда и осталось: это наша земля – мы ее своей кровью сделали нашей. Здесь мощные корни и возможности для актуальных русских реваншизма и империализма.

Следующую дату можно просто назвать датой дат. 5 марта 1953 г. советскому народу сообщили, что умер Сталин. Правда, как мы видим сегодня, он совсем и не умер. И в ка-

ком-то смысле дело Сталина по-прежнему живет и побеждает. И все-таки, как с исчерпывающей точностью сказано в «Раковом корпусе»: «Людоед сдох»¹². Открылась возможность для новой эпохи в русской и мировой истории. И она началась. А.И. Солженицын в своей публицистике неоднократно писал, что главная русская задача – сбережение народа. Это вообще-то менделеевская мысль, но с блеском развитая последним великим русским писателем. Так вот, в 53-м до этого было бесконечно далеко. Но закончилось время беспощадно тотального уничтожения народа. И еще одно. В самые последние сталинские годы мы неотвратимо шли к еще большему подъему массовых репрессий и, не исключено, к Третьей мировой войне (такие планы у «чудесного грузина» имелись). Вот она, роль личности в истории. В русской истории. Мы бы даже усилили: роль здоровья и возраста в русской истории. И еще более того: вовремя ли у постели больного появится врач. Здесь нет никакой иронии. Физиологически-врачебное совсем не менее важное, чем социально-экономическое и проч.

Событие, которое произошло за десять лет до смерти тирана, тоже связано с его именем: наша победа в Сталинградской битве. Не хочется в миллионный раз повторять: это был переломный момент в истории Второй мировой войны, Отечественной войны. Действительно, был. Второй раз в этой войне мы оказались на абсолютно последних рубежах: в кон-

---

¹² Солженицын А.И. Раковый корпус. – М.: Азбука-Аттикус, 2012. – 480 с.

це 1941-го – под Москвой и тогда – на Волге. Оба раза выстояли.

В 1938 г. родились Владимир Высоцкий и Алексей Герман. Два русских гения, которые с полным правом могли сказать о себе пушкинское: «И неподкупный голос мой был эхом русского народа». Расцвет их творчества пришелся на годы правления людей, выдвинувшихся в эпоху Большого террора. Сами они были детьми этой эпохи, а их творчество – ответом на нее. В том смысле, что Пушкин – это ответ Петру Великому (по Герцену). Мы не будем обсуждать великого эстетического качества их искусства. Скажем о другом. Поэзия одного и кино другого реконструировали, восстановили, вернули нам время, которое, казалось бы, должно было исчезнуть, раствориться в нескончаемом насилии над обществом. Другими словами, своим творчеством они оживили уже было погибшую Россию 1930-х – начала 1950-х годов. Их вклад в самоэмансипацию русского народа в конце века бесценен.

Восемьдесят лет назад закончилась коллективизация. Видимо, это была черта под русской революцией. Начавшись за примерно семьдесят лет до этого освобождением бóльшей части народа, она завершилась его новым закрепощением. С этого момента стало ясно: никакого возвращения к прошлому больше не будет, никаких надежд на более или менее сносное будущее нет. Нам представляется, что это была главная победа сталинской диктатуры над русским народом.

Убийственно другое: откуда же взялась эта диктатура? Если террор гражданской и 20-х можно списать на инородцев (читай: жидомасонов), то в начале 30-х уже произошла русификация большевизма. При этом речь идет не только об этническом происхождении, но больше о социальной повседневности, которая вдруг стала вполне узнаваемой: Киров, Ворошилов, Молотов и др. – это нормальные среднестатистические русские люди. И они же учинили над своим народом такое...

Это означает, что в известном смысле сам русский народ покончил свою жизнь самоубийством. Думать так, писать так – уже почти невозможно. Тем более принять это, согласиться с этой мыслью. Но ведь мы должны найти хоть какое-то объяснение. То, что предлагается, как нам кажется, – констатация. К объяснению мы еще должны прийти. Но нельзя перекладывать ответственность за наше самоубийство на какого-то другого.

Утром 6 января 1918 г. было разогнано Учредительное собрание. Это и есть подлинный день большевистской революции (до этого они все-таки были временные). Почти сто лет шло к этому событию русское освободительное движение. И дойдя, рухнуло в одночасье. Этот день завершил два цикла: русской революции, начавшейся 9 января 1905 г., и революционный 1917 г. Помимо прочего, однодневная история Учредительного собрания показала: русская демократия не умеет и не может сопротивляться злу. Дело свободы было

отложено на конец XX столетия.

1913 год, если можно так сказать, самый символический из всей русской истории до 1917 г. При этом год был действительно хорошим – хотя бы потому, что последним предвоенным. Но «особый статус» обрел в советской пропаганде и в сознании советских людей, поскольку советские меряли себя именно с этим – последним предвоенным. Для большинства граждан СССР фраза «по сравнению с 1913 г.» стала столь же привычной, что и «пасмурно» или «солнечно», «плюс 13» или «минус 6», или «в VIII пятилетке предполагается увеличение ввода нового жилья на 12 млн м² больше, чем в VII». То есть «по сравнению с 1913 г.» присутствовало в сознании самого нерафинированного гражданина Советского Союза, уступая, пожалуй, лишь «говорит Москва».

Но если совсем всерьез, то наряду с 1912 или 1911 гг. 1913-й был лучшим годом русской истории вообще. В своей ранней прозе Б. Пастернак напишет о лете следующего, 1914, года, но мы совершенно свободно адресуем это лету 13-го: «Это последнее лето, когда любить что бы то ни было на свете было легче и свойственнее, чем ненавидеть»¹³.

1903 год. Сто лет назад в Брюсселе и Лондоне на II съезде РСДРП произошел раскол на большевиков и меньшевиков. Старшее поколение наизусть должно было знать причины этого раскола. А они просты. Те, кого назовут большевиками, были готовы на революционные изменения лю-

¹³ Пастернак Б.Л. Повесть. – М.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. – 188 с.

бой ценой. Будущие меньшевики не отказывались от большой платы, но на любую все-таки не соглашались. То есть это был не политический, но антропный раскол. И он стал нормативным для XX столетия. Причем не только русского, но и всяческого. Действительно, трудно делать политику в белых перчатках. Зато удобно душить жертвы в перчатках. Собственно, в этом и есть все различие в политической практике. Для одних реальная проблема – политика в перчатках. Для других норма – перчаток не снимать. Следы останутся.

Вождь большевиков Ленин, как всегда точно, зафиксировал: большевизм как идейное и политическое течение существует с 1903 г. Просим заметить: именно с этого, 1903-го, большевики вышли за рамки политики, перейдя в поле криминально возможного. Это не означает, что они всегда были таковыми. Однако они разрешили себе быть таковыми. Потому всякий разговор о феномене большевизма имеет не только исследовательское измерение, но и дознавательное. В самом прямом смысле этого слова: требуется Пуаро.

Ну, а сто двадцать лет назад произошло совсем незаметное событие. Императору Александру III внушили, что практически ежегодный передел земли в общине негативно влияет на эффективность сельхозпроизводства. Это было так. Передельная община предполагала эгалитарный принцип владения землей. Каждая семья по количеству едоков получала равную долю на общинную землю. Именно на этом и строилась передельная община со времен Екатерины II. И

вот в царствование реакционного Александра III в России произошла одна из самых сокрушительных революций в ее истории. В целях подъема сельхозпроизводства решили производить передел земли один раз в двенадцать лет. В результате раз в двенадцать лет, совпадая с годом передела, в нашей стране стали происходить события, меняющие привычные русло ее развития и ее ритм: 1905, 1917, 1929.

Год 2014-й

В 2014 г. случилось огромное количество юбилейных дат и «полудат», которые тесно связаны с нашими днями. Связаны содержательно, а не только «круглыми» цифрами.

Двадцать лет назад в Россию вернулся А.И. Солженицын. Тогда шутили, что Александр Исаевич, подобно солнцу, двинулся к Москве с востока. А одна из журналисток написала: слава Богу, что во времена Толстого не было телевидения. Но это все так, интеллигентские издержки. А ведь событие было действительно грандиозным. На родину вернулся главный могильщик (наряду с «Солидарностью») коммунизма. Перефразируя Герцена, скажем: Солженицын был ответом исторической России на явление Ленина. И что же? Разочарование с обеих сторон. Солженицын не принял Россию девяностых, а тогдашняя Россия не приняла Солженицына. Причем, если Александр Исаевич с горечью, болью и неразделенной любовью, то родина просто не заметила его,

несмотря на внешнее почитание, официальные благодарности и т.п. А ведь если говорить всерьез, это трагедия. По крайней мере, не меньшая, чем уход Толстого. Теперь ясно: подобно Льву Николаевичу, Александр Исаевич разминулся с современной ему Россией. Как это символично! Литература, создавшая во многом новейшую Россию, почти никогда не совпадает с ее наличным состоянием.

Двадцать пять лет назад, весной 1989 г., прошли выборы в новый институт власти – Съезд народных депутатов. Вообще-то *новый* следовало бы поставить в кавычки. Это «либеральным сотрудникам» ЦК так казалось. А ведь способ комплектования съезда напоминал практику формирования Земских соборов. Там в основу были положены сословный и региональный принципы, т.е. на соборе должны были быть представлены все социальные группы (за исключением крепостных крестьян) и все регионы. Однако важнее другое. После 70 лет безальтернативного рабства мы пережили тогда относительно свободные выборы. Кроме того, работа съезда транслировалась по ТВ. Это событие мирового исторического значения, вполне сопоставимое, ну, скажем, с Реформацией. Более мощную антитоталитарную прививку трудно себе и представить. Если Сталин возбуждал неограниченную любовь и неограниченный страх, а его наследники были идеальным материалом для анекдотов, то в 1989 г. почти трехсотмиллионный советский народ стал участником политического процесса, демократом, поскольку демократия – это

участие в политике. В этом смысле за прошедшие двадцать пять лет мы сделали огромный шаг назад. Тогда жили настоящим, тем, что действительно происходило, от чего действительно зависела наша судьба. Кто-то из нас был счастлив теми изменениями, которые вошли в нашу жизнь, кто-то наоборот. Но всех нас связывали чувства боли, тревоги, надежды и сопричастности.

Сегодня больше всего беспокоит история. А также две бессмыслицы: ТВ и Интернет. Все что угодно, только не сегодняшний день. Мы вновь «забыли», что прошлого и будущего нет (надеемся, понятно, что это метафора, но...) – есть только настоящее. И отказ от настоящего – самоубийство и человека, и народа. В 1970–1980-е годы советские люди в своем большинстве поняли или хотя бы почувствовали, что славное коммунистическое будущее – фикция, обман и фуфло. Сегодня нашему народу впихивают славное российское прошлое – лживую сказку о нашей истории. Не менее пустую и опасную, чем коммунистический футуризм. Оказывается, что с человеком, не привыкшим к свободе, воздух свободы может сыграть злую шутку. Вспомните судьбу профессора Плейшнера.

В ноябре 1989 г. рухнула Берлинская стена. Вообще-то, конечно, не рухнула, а просто был открыт выход из Восточного Берлина в Западный. Кажется, лучше всех об этом сказал Адам Михник (один из главных исторических разрушителей этой стены): в извечной тяжбе человека и колючей про-

волоки (ее, кстати, изобрели ровно 100 лет назад, в 1864 г., – не в России, но здесь ее научились хорошо использовать) на этот раз победу одержал человек¹⁴. С этого момента стало ясно: коммунистический рейх издыхает. Но вот прошло двадцать пять лет – и, кажется: стена не разрушена, а лишь на пару тысяч километров отнесена на восток. Невольно вспоминаешь то, что сказал замечательный русский мыслитель Г.В. Федотов о событиях 1480 г. (официальная дата прекращения золотоордынского ига): ханская ставка была перенесена в Кремль. То есть иго не закончилось. Напротив, было интериоризировано. Так и сегодня: в центре Европы, в центре Германии стена уже невозможна. Но где-нибудь по западным границам РФ еще, может быть, и постоит. Ну, перенесли просто стенку. Какова же мораль? Та стена была смелена героями, которые положили свои жизни за то, чтобы ее не было. Вот и нам ныне представляется уникальная возможность поспособствовать окончательному разрушению этой стены.

В декабре 1989 г. умер А.Д. Сахаров. Умер, готовясь к очередному заседанию Съезда народных депутатов. Умер, набросав проект новой советской Конституции. Умер на пике своего влияния на русское общество. Как говорил Л. Толстой, бывают неожиданные сближения. Смерть Сахарова

---

¹⁴ А. Михник – польский общественный деятель, в 1970–1980-е годы один из лидеров антикоммунистической оппозиции, главный редактор «Газеты Выборчей».

чем-то неуловимо по своему высшему значению напоминает гибель человека, ну, ничем не схожего с Андреем Дмитриевичем – Александра II. Обе эти смерти – по сути внезапно отмененные – бомбой или остановкой сердца – прорывы к русской свободе. Это такие наши либеральные легенды: если бы Александра II не убили, если бы Андрей Дмитриевич не ушел...

В мировой истории есть люди, которые играют великие роли: политические, экономические, культурные, эстетические. И совсем немного – тех, кто играет роли религиозные. На похоронах Сахарова академик Д.С. Лихачев сказал: он был пророком в самом глубоком смысле этого слова. То есть последовательный атеист Сахаров сыграл в жизни нашего народа, а может быть, и всего человечества, роль религиозного пророка. Это, безусловно, так. После коммунизма и нацизма этот человек выступил с новой социально-либеральной утопией, которая, конечно, никогда не может быть реализована. Но она подвигла и подвигает ныне людей к преодолению зла, совершенствованию, умиротворению. Казалось бы, Сахаров всегда был тих, ровен, спокоен, лишен всяческого пафоса (что мало характерно для нервической русской культуры). Но каждое его слово, каждый его жест с более чем стопроцентной доказательностью свидетельствовали: вот вождь нашего народа, вот вождь человечества. Андрей Дмитриевич сделал еще одно важное дело – отдал истории должок русского либерализма, который в конце 1916 и

в течение 1917 г. как-будто спьяну проиграл в картишки все наработанное (и его тогдашними лидерами, и их предками). Сахаров – это реабилитация, реванш и новое восхождение исторического русского либерализма. Сахаров – русский ответ вселенской неудаче Милюкова и Маклакова.

В самом конце 1979 г., видимо, в качестве новогоднего подарка советскому народу тройка наследников Брежнева – Андропов, Громыко и Устинов – ввела войска в Афганистан. Как всегда, мотивация была безупречная: если сегодня не мы, то завтра – американцы (см.: Прага-68, Крым-14). И столь же безупречны были выводы, которые сделала История: Прага-68 – окончательный крах коммунистической утопии. После нее даже такие международные джигиты, как Энрико Берлингуэр, стали склоняться к какому-то там ревизионизму. В переводе на русский – к пересмотру базовых принципов и ценностей. А Афганистан-79 – безупречная точка отсчета последних лет советского коммунизма. Чекист, мидовец и оборонщик не поняли, что им не простят этой авантюры. А ведь это были самые способные и – что по тем временам особенно важно – самые дееспособные члены ПБ. Оказалось, что они – не более чем члены ПБ. Не государственные деятели, не патриоты своей страны.

Кстати, именно этим троим мы во многом обязаны девальвацией русского оружия (того значения, которое ему придала Великая Отечественная война) – его толкнули на неправо дело. Ведь о генерале Варенникове или о генерале

Громове (ничего личного) никогда не может быть написано стихотворения, подобного «На смерть Жукова» Бродского, притом что и Варенников, и Громов – храбрые, способные воины. В скрытом смысле (т.е. публично этого не было) афганская кампания сыграла в нашей истории роль, сходную с вьетнамской в американской истории. Она потребовала коренного пересмотра политики. Смертный час коммунизма пробил.

За десять лет до начала афганской катастрофы еще чуть-чуть – и началась бы война между братскими народами СССР и Китая. Март 1969 – Амур, остров Даманский, ограниченный вооруженный конфликт между двумя социалистическими супердержавами. Ни один даже самый гениальный теоретик научного социализма не мог представить себе, что между двумя великими странами, построившими у себя единственно справедливый социальный порядок, могла начаться замятня не на живот, а на смерть. А вот же тебе, началась. Кстати, тогда, в марте 1969-го, да, кстати, и в апреле, у советских людей тоже сложилось впечатление: мы обложены со всех сторон. Прямо как сегодня (ведь современный российско-украинский конфликт типологически схож с тем; в смысле того, что народы братские, вчера этого и представить было невозможно). В стране шутили: с востока нам угрожает Даманский, а с запада – Недоманский. Вацлав Недоманский – замечательный чехословацкий хоккеист, сыгравший решающую роль в чемпионате мира по хоккею

1969 г., в котором команда ЧССР победила нашу «красную машину». Это был их ответ нам за август 68-го. Реакция советского общества была сродни реакции нынешнего российского: за победой чехословацкого хоккея стоят Белый дом, Госдеп, Пентагон, ЦРУ, НАТО и другие реваншистские западногерманские силы.

В 1959 г. состоялся исторический визит Н.С. Хрущева в США. Еще за пять лет до этого представить себе такое было невозможно. Этот вояж первого секретаря – не меньше, чем падение Берлинской стены. Не меньше, чем полет Гагарина. По итогам поездки была выпущена книга с весьма символическим названием: «Жизнь в мире и дружбе»¹⁵. Сегодняшнему человеку и не понять, с кем предлагалось дружить – с выродками, американскими империалистами. Эта книга была издана огромным тиражом. Там есть замечательный эпизод: Хрущев уверял американцев, что мы, советские коммунисты, их закопаем. Аудитория, услышавшая эту угрозу, пришла в восторг. Но всем было ясно: это слова, фигура речи. Никто никого и не думал закапывать. Наверное, тогда у твердокаменных из советского руководства окончательно созрела мысль: Никиту надо убирать. Что и было сделано. Заметим: ровно пятьдесят лет назад.

В этом году исполняется полвека со дня свержения Хрущева. Однако казалось, что падение «мужицкого царя Никиты» не означало завершения его исторической миссии. Де-

---

¹⁵ Жизнь в мире и дружбе. – М.: Госполитиздат, 1959. – 480 с.

ло Хрущева жило и побеждало. Ставропольский тракторист, студент юрфака МГУ, комсомольский и партийный функционер Михаил Горбачев довел его до конца. До конца коммунистической тирании.

Семьдесят лет назад доблестная Красная армия освободила СССР от немецко-фашистских захватчиков. Иными словами, вышла на границы государства, которые утерjali в первый день войны. Никогда в новой и новейшей истории России иностранный захватчик не оставался в наших пределах так долго. Потребовалось три с половиной года, чтобы вернуть утерянное. Это говорит о глубине того падения, где мы оказались, – почти бездны. То, что выбрались, – чудо. Но мы расплатились за это сполна. И никогда не должны забывать два обстоятельства. На грань уничтожения нас поставил сталинский режим. А также то, что мы сломали хребет самой сильной в истории человечества военной машине. В романе «Доктор Живаго», который, безусловно, – законнорожденное дитя Великой Отечественной войны (но и русской культуры, и гения самого Бориса Леонидовича), есть такие стихотворные строчки: «Но чудо есть чудо, / И чудо есть Бог». В общем, Бог спас.

За пять лет до этого началась Вторая мировая. Наше участие в ней – одна из позорнейших страниц истории Отечества. С 1 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г. мы волей-неволей были на стороне супостата. Эта война – абсолютная новация в мировой истории. А значит, и в нашей, русской.

Раньше, в том числе и в Первой мировой, сражались коалиции, соперники. А на этот раз война была не следствием межимпериалистических противоречий, скажем, между Британией и Германией. Так случилось, что сумрачный германский гений на время (слава Богу, на время) взял на себя роль Зла. Остальным, в целом незаслуженно, была отведена роль Добра. Поначалу сталинский СССР на правах полухолуя-полувыводника солидаризировался со Злом. Но когда железные щупальца Манштейна и Гудериана разрезали русское пространство, у нас не осталось выбора. Правда, у условного Добра – тоже. Без этого пространства и без этого народа история человечества закончилась бы. Все заплатили сполна. Мы – разрухой и демографической катастрофой. Германия, Британия и Франция – потерей статуса мировых держав. Казалось бы, выиграла только США. Да, наверное, это так. Есть еще один победитель в этой войне – евреи. Они вернулись в мейнстрим мировой истории. Цена была предельной. Но с этого началось возрождение великого еврейского народа. К счастью, русские поспособствовали этому.

А вот прологом или, точнее, спусковым крючком Второй мировой стал пакт Молотова–Риббентропа. Как, к примеру, выстрел Гаврилы Принципа: все было готово, но это не значит, что должно было начаться, надо было выстрелить. Принцип – в эрцгерцога Франца-Фердинанда, пробка от шампанского после заключения неожиданного договора – в потолок кремлевского кабинета Сталина. Сегодня в

нашей стране хотят реабилитировать это позорное действие. В.А. Никонов, казалось бы, не без основания говорит нам: ну, не было бы этого соглашения – и вермахт оказался бы в предместьях Москвы не 15 октября, а, предположим, 15 сентября. До прихода близких и спасительных Генерала Зимы, Полковника Бездорожья и Комиссара Грязи. И Парад Победы на Красной площади прошел бы не в июне 45-го, а в октябре 41-го. Но принимал бы его не чудесный грузин, а уроженец г. Браунау-ам-Инн А. Гитлер.

Если говорить честно, в словах Никонова есть что-то точное, адекватное. Чем дальше забор от входа в дом, тем больше бежать насильнику. Вдруг и винтовку успеешь перезарядить. А вот по существу. В такой позиции заложено утверждение, что мы обязательно должны были бежать. Это изначально пораженческая линия. Работающая на то, чтобы задним числом оправдать импотенцию сталинского режима. Кацо и его окружение передушили в нашей стране всё и всех, что могло и могли действовать не так, как они, а эффективнее и сохраннее для людей. И вот поэтому, из-за своих неспособности и трусости, они пошли на сговор со Злом.

Было еще одно обстоятельство, толкнувшее их на этот шаг. Они сами были Злом. Пакт Молотова–Риббентропа – это не история международных отношений, не геополитика, не Совет по внешней оборонной политике. Это то, о чем «Фауст» Гёте. История Великой Отечественной войны не имеет к этому никакого отношения. Вторую мировую мы

проиграли вместе с Гитлером, а Вторую Отечественную выиграли вместе с демократиями Запада. Бог был на нашей стороне – наш вклад оказался решающим.

А за десять лет до этого началась другая война: сталинского режима – против крестьянства. Мы уже говорили об этой внутренней (социальной) войне, но здесь хотели бы добавить следующее. Вспоминая коллективизацию, В.М. Молотов утверждал, что успешное (разумеется, с точки зрения палачей) ее осуществление важнее и значительнее, чем победа в Отечественной войне. Это признание дорогого стоит. Знать, война с собственным народом была не на жизнь, а на смерть. И судьба режима была на кону. Уничтожив крестьянство и традиционную для него форму социального бытования – общину, сталинцы в общем и целом закончили покорение страны. Наблюдая эту трагедию из Парижа, Г.В. Федотов писал, что от того, как закончится эта «революция сверху», зависит судьба России на много десятилетий вперед. Результат известен: Сталин выиграл – Россия проиграла. Пожалуй, это одна из крупнейших социальных катастроф в отечественной истории. И страшнее всего даже не установление новых крепостнических порядков, а ликвидация органических форм существования большинства населения страны.

Девяносто лет назад умер Ленин. Нет, Владимир Ильич Ульянов. Ленин все еще жив. Более того, живет всех живых. Фанатический противник частной собственности после своей смерти обрел самую за вот уже девять десятилетий

прочную собственность – домик в центре Москвы. И разлегся там. Вся жизнь страны, и власть, и обыватели, и туристы крутятся и вертятся вокруг этого домика, перед ним. Бесчисленные памятники, улицы его имени лишь подтверждают все это. Но парадоксальным образом Ленин никому не нужен. Все, что связано с ним, неинтересно современному человеку. И в этом, конечно, громадное поражение Ильича. Сыграть такую роль, а ныне, по сути дела, спуститься до эпизодической. Подозреваем, что к столетнему юбилею Октября власть попытается еще больше опустить Ленина. Что-нибудь типа немецкого шпиона, не патриота, русофоба. Вот две полярные стороны жизни после смерти. О Ленине можно сказать, что в противоположность христианскому: «смертию смерть поправ», он своею жизнью – и реально земной, и по-смертной – жизнь поправ. Ясно: без символического отказа, очищения от Ленина живая жизнь не вернется в страну.

Сто пятьдесят лет назад в России были созданы земства, суды присяжных, свободный самоуправляющийся университет. Мы так часто говорим об этом, что значение содеянного утопает в море слов и огромном количестве публикаций. А ведь земство, суд присяжных и университет должны звучать как великая и торжественная музыка. Создав эти институты, Россия вступила на путь, ведущий от патерналистского управления к самоуправлению гражданского общества. И хотя даже сегодня мы далеки от цели, сам факт нашего присутствия на этой дистанции свидетельствует, что мы не выпали

ли окончательно из основного потока эволюции земной цивилизации.

За всеми нынешними событиями у нас в стране мало кто вспомнил, каким важным оказался 1814 год. Апогей русской военной и внешнеполитической славы. Париж капитулировал перед нашей армией. Ни до, ни после мы не заходили так далеко. И что самое важное, мы пришли во Францию не оккупантами, но освободителями. Это был финальный аккорд «1812 года», одного из главных мифов, на которых построена наша культура (слово «миф» здесь употребляется в строго научном и высоком смысле).

В том же 14-м начался Венский конгресс, в ходе которого произошли три важнейших события. Почти на столетие был установлен новый европейский порядок, новая система международных отношений, пришедшая на смену вестфальской. Впервые оформился общеевропейский антирусский блок. За спиной Александра I и его дипломатов все основные европейские державы, включая побежденную Францию, договорились об активном противодействии России. Возникла парадоксальная ситуация: с одной стороны, Россия была интегральной частью европейского концерта, а с другой – объектом, против которого этот концерт был направлен. Ну, и последнее важнейшее событие. На многочисленных балах, которые сопровождали этот конгресс, танцевальным гвоздем стал вальс. Именно из венских дворцов он и начал свое победоносное шествие по всему миру. Притом что ни венской

системы, ни европейского концерта в старом смысле уже нет, вальс продолжает свое легкомысленное кружение.

И.И. Глебова, ыЮ.С. Пивоваров

Россия в зеркале русской поэзии ¹⁶

Мы, да и не только мы, неоднократно писали, что русская поэзия гораздо больше, чем просто стихосложение. Когда-то известный философ князь Евгений Трубецкой сказал, что в Древней Руси икона была всем – любомудрием, искусством, самопознанием. То есть в ней в полной мере нашла свое самоосуществление цивилизация наших предков. С XIX в. и особенно в XX столетии место иконы заняла поэзия. Правда, наряду с ней был роман, проза. Но все-таки в XX в. поэзия по своей суггестивности заняла бесспорное первое место. Именно поэтому мы и учредили в «Трудах...» рубрику «Россия в зеркале русской поэзии».

Однако события 2014 г. несколько поменяли наше понимание того, зачем и для чего мы печатаем стихи. Этот год неожиданно для нас создал иную рамку для прочтения русской поэзии. Другими словами, события, начавшиеся со взятия Крыма, открыли нам новые смыслы в, казалось бы, хорошо известных строчках. Мы и читателю предлагаем стихи,

---

¹⁶ Печатается по изд.: Бродский И. Стихотворения и поэмы. – СПб.: Пушкинский Дом, 2011; Галич А. Облака. – СПб.: Азбука, 2008; Корнилов В. Надежда: Книга стихов. – М.: Сов. писатель, 1988; Кублановский Ю. Посвящается Крыму: Стихи // Континент. – Париж; Москва, 1997. – № 3, июль–сентябрь; Кушнер А. Живая изгородь: Книга стихов. – Л.: Сов. писатель, 1988; Набоков В. Стихотворения. – М.: Молодая гвардия, 1991; Окуджава Б. Стихотворения. – СПб.: Академический проект, 2001.

отобранные нами для этого выпуска «Трудов...», поставить в нынешний грозный контекст.

И, конечно, особняком в настоящей подборке стоят стихи, посвященные Украине и Крыму. Они принадлежат перу одного гения и двух в высшей степени талантливых поэтов. И если согласиться с нашей точкой зрения: русская поэзия есть зеркало русской жизни, то мы перестанем удивляться тому, что более 90% нашего населения поддерживают крымскую операцию и более 80% – наше вмешательство в ситуацию на Украине.

На независимость Украины

Дорогой Карл XII, сражение под Полтавой,
Слава Богу, проиграно. Как говорил картавый,
Время покажет «кузькину мать», руины,
Кость посмертной радости с привкусом Украины.
Но не зеленек – виден, траченный изотопом,
Жовто-блакытний реет над Конотопом,
Скроенный из холста, знать, припасла Канада.
Даром что без креста, но хохлам не надо.
Горькой вошни карбованец, семечки в полной жмене.
Не нам, кацапам, их обвинять в измене.
Сами под образами семьдесят лет в Рязани
С залитыми глазами жили как каторжане.
Скажем им, звонкой матерью паузы метя строго:

Скатертью вам, хохлы, и рушником дорога.
Ступайте от нас в жупане, не говоря – в мундире,
По адресу на три буквы, на стороны все четыре.
Пусть теперь в мазанке хором гансы
С ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы.
Как в петлю лезть, так сообща, суп выбирая в чаше,
А курицу из борща грызть в одиночку слаще.
Прощевайте, хохлы, пожили вместе – хватит!
Плюнуть, что ли, в Днипро, может, он вспять покатит.
Брезгуя гордо нами, как оскомой битком набиты,
Отторгнутыми углами и вековой обидой.
Не поминайте лихом, вашего хлеба, неба
Нам, подавись вы жмыхом, не подолгом не треба.
Нечего портить кровь, рвать на груди одежду,
Кончилась, знать, любовь, коль и была промежду.
Что ковыряться зря в рваных корнях покопом.
Вас родила земля, грунт, чернозем с подзомбом,
Полно качать права, шить нам одно, другое.
Эта земля не дает, вам, калунам, покоя.
Ой, ты левада, степь, краля, баштан, вареник,
Больше, поди, потеряли – больше людей, чем денег.
Как-нибудь перебьемся. А что до слезы из глаза
Нет на нее указа, ждать до другого раза.
С Богом, орлы и казаки, гетьманы, вертухай,
Только когда придет и вам помирать, бугаи,
Будете вы хрипеть, царапая край матраса,
Строчки из Александра, а не брехню Тараса.

Посвящается Крыму

Добровольческий спелый
обреченный снежок.
Знать, у косточки белой
перед нами должок.

Потускнели медали,
и потерялся погон,
но уносится ялик
прямиком на Афон.

Там на пастбищах юга
круглый год сенокос
и светлее округа
от молитвенных слез.

Там прощаются долги.
Средь сокровищ иных
в темной ризнице – полки
с черепами святых.

... Нам чужого не надо,
мы пойдем прямиком
по следам продотряда
прямо в Иродов дом.

Покартавь с ходоками,
Ирод, как на духу.
Мы своими руками
из тебя требуху

.....

В разоренные ясли
Вифлеемской ночи
только иней на прясле
опускает лучи.

Надо пасть на колени,
чтоб к намоленной меди креста
где-нибудь на Мезени
примерзали уста.

31 мая 1997

Снова в мозгу крещендо: глупость или измена?
В залах еще играют на последях Шопена
честно чистюли в черном, фрачном с лампасами.
А уж окрест гуляет голь с прибабасами.
Мы остаемся в мире что-то совсем одни,
будто в пустой квартире кто-нибудь из родни
с крымского побережья, отданного взаглот

братьям из незалежной.
Ящерица не ждет
возле шурфов с боспорским
мраморным крошевом,
с запахом роз приморских,
тьмой приумноженным...

Предали мы Тавриду-мать, на прощание,
будто белогвардейцы, дав обещание,
слушать ночами ровный
шелест волны вдали
в гальке единокровной
с слезной солью земли.

***

Где чайки, идя с виража
в пике, прожорливы,
за радужной пленкой лежат
– мечта государей – проливы.

Но возле полуденных стран
нас, словно куницу в капкане,
с опорой на флот англичан
смогли запереть басурмане.

Эгейская пресная соль
под небом закатным.
Еще, дорогая, дозвожь
побаловать нёбо мускатным.

На линии береговой
напротив владений султана,
быть может, мы тоже с тобой
частицы имперского плана.

Но, Господи, где тот генштаб,
его не свернувший доньне,
чтоб мысленно мог я хотя б
прижаться губами к святыне!

Дай жаждущей рыбиной быть,
чье брюхо жемчужине радо,
и тысячелетие плыть
и плыть до ворот Цареграда.

Ю. Кублановский

Крым

«Где волны кроткие Тавриду омывают».

К. Батюшков

Конечно, русский Крым с прибоем под скалою,

С простором голубым и маленькой горою,
Лежащей, как медведь, под берегом крутым.
Конечно, русский Крым, со строчкой стиховой,
И парус на волне, и пароходный дым.

Конечно, русский Крым. Михайлов и Просухин,
Кого из них убьют в смертельной заварухе?
Но прежде, чем упасть, – вся жизнь пройдет пред ним.
Любовь его и долг невыплаченный, – глухи
И немые, кто убит. Конечно, русский Крым.

И в ялтинском саду скучающая дама
С собачкой. Подойти? Нехорошо так прямо.
Собачку поманить, а дальше поглядим...
Случайная скамья, морская панорама,
Истошный крик цикад. Конечно, русский Крым.

Конечно, Мандельштам, полынь и асфодели.
И мы с тобой не раз бывали в Коктебеле,
И помним Карадаг, как нами он любим
На зное золотом. Неужто охладели
Мы, выбились из сил? Конечно, русский Крым.

А. Кушнер

•••

Мне русские милы из давней прозы
и в пушкинских стихах.

Мне по сердцу их лень, и смех, и слезы,
и горечь на устах.

Когда они сидят на кухне старой
во власти странных дум,
их горький век, подзвученный гитарой,
насмешлив и угрюм.

Когда толпа внизу кричит и стонет,
что – гордый ум и честь?
Их мало так, что ничего не стоит
по пальцам перечесть.

Мне по сердцу их вера и терпенье,
неверие и раж...
Кто знал, что будет страшным пробужденье
и за окном – пейзаж?

Что ж, век иной. Развеяны все мифы.
Повержены умы.
Куда ни посмотреть – всё скифы, скифы.
Их тьмы, и тьмы, и тьмы.

И с грустью озираю землю эту,
где злоба и пальба.
И кажется, что русских вовсе нету,
а вместо них толпа.

Я знаю этот мир не понаслышке:
я из него пророс,
но за его утраты и излишки
с меня сегодня спрос.

Б. Окуджава

Воспоминания

Н.В. была смешливою моей
подругой гимназической (в двадцатом
она, эс-эр, погибла), вместе с ней
мы, помню, шли весенним Петроградом
в семнадцатом и встретили К.М.,
бегущего на частные уроки,
он нравился нам взрослостью и тем,
что беден был (повешен в Таганроге),
а Надя Ц. ждала нас у ворот
на Ковенском, откуда было близко
до цирка Чинизелли, где в тот год
шли митинги (погибла как троцкистка),
тогда она дружила с Колей У.,
который не политику, а пенье
любил (он в горло ранен был в Крыму,
попал в Париж, погиб в Сопротивленье),
нас Коля вместо митинга зазвал

к себе домой, высокое на диво
окно смотрело прямо на канал,
сестра его (умершая от тифа)
Ахматову читала наизусть,
а Боря К. смешил нас до упаду,
в глазах своих такую пряча грусть,
как будто он предвидел смерть в блокаду,
и до сих пор я помню тот закат,
жемчужный блеск уснувшего квартала,
потом за мной зашел мой старший брат
(расстрелянный в тридцать седьмом), светало...
А. Кушнер

Большие батальоны

Бог на стороне больших батальонов.

Вольтер

Они во всем едины,
Они не разделёны,
Они непобедимы,
Большие батальоны.

Они идут, большие,
Всех шире и всех дальше,
Не сбившись, не сфальшивя:
У силы нету фальши.

Хоть сила немудрена,
За нею власть и право.
Большие батальоны
Всевышнему по нраву,

И обретая имя
В их грохоте эпоха,
И хорошо быть с ними,
А против них быть плохо.

Но всю любовь и веру
Все ж отдал я не богу,
А только офицеру,
Который шел не в ногу.

В. Корнилов

Пейзаж (Философский этюд)(из цикла «Серебряный бор»)

...Это такое странное сооружение, которое стоит перед въездом на дачу Большого театра в Серебряном бору и выглядит как такой землемерный столб, врытый в землю, на котором кисточкой написаны деления от одного до семи. И гиря на этих делениях покачивается ржавая на ржавой же проволоке, перекинутой через колесико с другой стороны этого

странного столба, и уходит в землю.

Я спросил у дворничихи: «Что это такое?» Она мне говорит:

«Как что такое? – это говномер!»

Я говорю: «Как говномер?!»

Она:

«Ну говномер! Это подведено к ассенизационной яме: уровень повышается – гиря понижается. Как доходит, до деления, там, “шесть” – значит, надо уже вызывать золотариков...»

Всё было пасмурно и серо,
И лес стоял как неживой,
И только гиря говномера
Слегка качала головой.

Не всё напрасно в этом мире
(Хотя и грош ему цена!),
Не всё напрасно в этом мире:
Покуда существуют гири,
И виден уровень говна!

А. Галич

Каким бы полотном

Каким бы полотном батальным ни являлась
советская сусальнейшая Русь,
какой бы жалостью душа ни наполнялась,
не поклонюсь, не примирюсь

со всю мерзостью, жестокостью и скукой
немного рабства – нет, о, нет,
еще я духом жив, еще не сыт разлукой,
увольте, я еще поэт.

В. Набоков

Современная Россия

«Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе»?

Ю.С. ПИВОВАРОВ

Предлагаемый текст является своеобразным способом быстрого реагирования на происходящее в нашей стране. Настоящее осмысление придет, конечно, позже, когда нынешние события оформятся в новые непреложные факты. Но и сегодняшние эмоции и реакции имеют познавательный смысл, поскольку, как говорил Б. Пастернак, «сквозь них история орет».

Содержательному измерению текста соответствует и его стилистика. Это – совокупность фрагментов, в которых обсуждается та или иная тема(ы), в определенный момент показавшаяся автору особенно актуальной. Отсюда, разумеется, и «публицистичность» языка.

Историческое испытание и искушение

Четырнадцатый год... Заканчивается суицидальный для

христианского человечества столетний период. Таковым он случился потому, что наши прадеды не выдержали того объема свободы, сложности, противоречий, неожиданно открывшихся возможностей и пр., который обрушился на них в конце XIX – начале XX в. (конечно, можно назвать и другие, не менее важные причины мирового самоубийства в августе 14-го)...

А что скажут о нас, о нашей весне-лете-осени четырнадцатого? Как будут оценены патриотический подъем большинства россиян, молчание меньшинства, протесты единиц? Какой исторический приговор будет вынесен русской власти, неожиданно вновь взявшейся за привычные дела – скажем мягко – собирать земли и пасти народы?

Кстати, о нашем народе. В грозные крымские и донецко-луганские дни на доске объявлений профкома нашего Института появились очередные белые листики, видимо, предназначенные членам этой организации, которой как будто бы и нет, но и все же немного есть. Обычно перед этой доской никого – что сегодня можно ожидать от **профкома** (теперь это слово звучит старомодно, как «милостивый государь»). Однако на этот раз люди там были. Что-то читали, комментировали, отходили довольными, приятно взволнованными. Будто получили какую-то моральную поддержку.

На этой доске было три текста. Сентиментальный стишок о русском Севастополе Александра Городницкого¹⁷, фраг-

---

¹⁷ Текст песни А. Городницкого «Севастополь останется русским», написанной

мент статьи А.И. Солженицына¹⁸, направленный против эгоистического украинского национализма, довольно добродушный и, как это почти всегда у него в публицистике, поучающий, и стихотворение Иосифа Бродского¹⁹, необъяснимо-грубое, какое-то совершенно немыслимое для этого человека, оскорбительное для украинцев. Я не случайно именно в такой очередности поставил русских сочинителей. По возрастанию антиукраинства (у Городницкого его и вовсе нет, но в контексте наших дней прочитывается).

К чему я клоню? – Просвещенная научная публика, как всегда, колеблется. С одной стороны., с другой... И хочется, и колется, и кто-то не велит... И Крым всегда был русский, это Никита-дурак разбазаривал наши земли, и Новороссия, и Донбасс, и князь Потемкин, и большевики с их насквозь фальшивой национальной (а по сути, антирусской) политикой. Но и нарушение международного права, и санкции, и Запад, и последствия... В общем черт ногу сломит. – А здесь ясно, недвусмысленно **показано**, куда ж нам плыть. И «наше все», наши безупречные Бродский и Солженицын говорят, **куда**. И как толковать происходящее.

Так что ж? Чего смущаться: разве прежние великие – Пушкин, Тютчев, Достоевский – учили нас иному?

им в 2007 г.

¹⁸ Солженицын А.И. Россия в обвале. – М.: Русский путь, 2006.

¹⁹ Бродский И. На независимость Украины // Бродский И. Стихотворения и поэмы. – СПб.: Пушкинский дом, 2011.

Выходит, великая русская культура XIX–XX столетий, защитница униженных и оскорбленных, дает нам моральную санкцию поддержать и действия властей, и восторг соотечественников. Вновь мы «до Тавриды». И уже не фантастическим кажется, что «матерь городов русских...», и с замиранием шепчется тютчевское: Над русской Вильной «стародавней родные высятся кресты...»²⁰. Но тише, тише...

Кстати, почему «тише»? Не кружилась ли сладко голова весной **того** 14-го – «Босфор, Дарданеллы, Царьград с Софией»? И «все как будто под рукою, и все как будто на века». Ну, ну. Посмотрим, во что выльется нашенская ситуация. А вот та, столетней давности, босфоро-дарданелльская завершилась величайшей катастрофой в русской истории. Сегодня даже и не понять, чего хотели эти господа (царь, бюрократия, генералы, общественники), почему благое будущее их Отечества связывалось с доминированием русских в этих районах Восточного Средиземноморья? Кстати, спросите об этом у миллионов россиян, которые уже два десятилетия проводят свои отпуска на курортах Турции.

Найдутся люди, которые скажут, что проливы и Царьград – одно, а **русский** Крым – другое. И если бы мы его сейчас не вернули, то в самом скором времени Севастополь из базы Черноморского флота РФ превратился бы в порт приписки какого-нибудь Шестого флота США. – Ответу: впол-

---

²⁰ Тютчев Ф.И. Над русской Вильной стародавней // Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1987.

не возможно. Американцы действительно, во всяком случае в последнее время, полагают значительную часть мира чем-то вроде вотчины. Правда, эта ожидаемая опасность **нашему** Крыму очень похожа на угрозу со стороны империализма США и НАТО для СССР в 1968 г. Тогда уверяли, что если бы Советский Союз не оккупировал Чехословакию, то через некоторое время над пражским Градом развевались бы враждебные «нам» флаги...

Да, за два столетия Крым сросся, сроднился с Россией, стал ее частью. К Малороссии он имел косвенное отношение (и наоборот). Даже 1954 год ситуацию принципиально не изменил. Однако распад СССР зафиксировал Крым в составе суверенной республики Украина²¹. Российская Федерация, наряду с другими государствами признала границы нового субъекта международного права и его территориальную целостность. Более того, подпись под Будапештским меморандумом (1994) сделала Россию, так сказать, привилегированным, эксклюзивным гарантом неприкосновенности территории Украины²².

---

²¹ Да, о Н.С. Хрущеве. С правовой точки зрения Крымская область принадлежала Украинской Советской Социалистической Республике (УССР) по ее Конституции 1978 г., как Калининградская область – РСФСР, и Севастополь был городом республиканского подчинения (т.е. УССР).

²² Добавим: Будапештский меморандум не предполагался к ратификации странами, его подписавшими (РФ, США, Великобритания). Там сказано: вступает в силу с момента его подписания. Если бы этот меморандум не случился, то Украина была бы третьей ядерной державой в мире. После США и России, но впереди Франции и Китая. Мы «кинули» наших братьев-украинцев.

Потеря Россией Крыма, если говорить выпренок, это плата за поражение наших предков в начале XX в. Под поражением я подразумеваю позорный Октябрь Семнадцатого и неудачу в героической попытке восстановить страну в ходе Гражданской. Иными словами, Крым перестал быть русским совсем не в результате решения Н.С. Хрущева. Он потерял русское имя после поражения русских на Перекопе. Впрочем, это касается всей страны. Все части Российской империи, включая Крым, превратились в части *бывшей* Российской империи. Кто и что из красных победителей подбирал, по сути, не столь важно. Они совершенно искусственно перекроили Россию на вымышленные республики, края, области, округа. Сегодня трудно разобраться, кто и на что имел право в стране, где семь десятилетий никто не имел прав ни на что. Можно, конечно, сказать, что схожим образом действовали европейские колонизаторы в Африке. Наверное, это так. Но большевики резали по живому в своей стране. Это, разумеется, не снимает ответственности с западных империалистов, но объясняет, почему Крым – иное.

И еще одно соображение. При всех эксцессах, безобразиях, несуразностях, при всей жестокости, крови, в условиях фактического раскола страны на две(?) части, в Киеве произошла народная революция. События конца 2013 – начала 2014 г. на Украине сопоставимы лишь с тем, что было в Центрально-Восточной Европе в 1989 г. Череда антикоммунистических и антисоветских революций: от «бархатной» ре-

волюции в Чехии до кровавого свержения режима Чаушеску в Румынии. Их интенсивность и жестокость зависели от национальных традиций, от того, что в науке называется политической культурой. Именно это случилось на Украине. «Правый сектор», «бандеровцы», «фашиствующие группировки», вне всякого сомнения, в наличии, но не они определяют главное в украинской драме (революция всегда драма).

...Знаменательно, что майданный Киев, Крым, Донецко-Луганское восстание против победителей Януковича в своей совокупности существенно привели к резкому похолоданию политического климата в России, дальнейшему усилению репрессивно-авторитарного порядка, фактической адаптации верхов ко многим идеям «Изборского клуба». То есть тенденции, набравшие все последние годы вес и влияние, постепенно превращаются в мейнстрим русской политики. Мы вновь попадаем под обаяние и искушение музыки «гром победы раздавайся...», «от тайги до британских морей...», «мы за ценой не постоим...». Разумеется, в таких обстоятельствах любое **иное** мнение, позиция, поступок квалифицируются как «каждый шаг в сторону – побег».

Россия вступила в историческую полосу глубоких испытаний.

О партийцах, чекистах и, как всегда, о русской власти

В 2012–2013 гг. я писал книгу о «русском настоящем и советском прошлом», и мне думалось, что ответ на «соотношение» этих двух миров чуть ли не найден. Что советское должно быть и будет преодолено. Пусть этот процесс и окажется долговременным. Ведь предупреждал же А.И. Солженицын: «Все народы Советского Союза нуждаются в долгом выздоровлении после коммунистической порчи, а русскому народу, по которому удар был самый истребительный и затяжной, нужно 150–200 лет выздоровления, мирной национальной России»²³. Добавим только: удар по себе мы нанесли сами. И еще одно соображение Александра Исаевича представлялось мне принципиальным, неотменимым (представляется и сегодня, но...): «Соотношение между ними («русским» и «советским». – *Ю.П.*) такое, как между человеком и его болезнью»²⁴. Я видел в этом послание тем – а их голоса все громче, все «массовее», – кто в той или иной форме и с разными целями стремится «оправдать» советское (так сказать, все действительно разумно).

---

²³ Солженицын А.И. Публицистика: Статьи и речи. – Париж: УМСА-press, 1981. – С. 323.

²⁴ Солженицын А.И. Публицистика: Статьи и речи. – Париж: УМСА-press, 1981. – С. 306.

...И вдруг в самом конце июня тринадцатого года, через месяц после выборов нового руководства Академии наук, за пару дней до начала летних вокаций «вероломно, без объявления войны» власть напала на РАН. Сразу же началось общественное, в том числе и академическое, сопротивление. В который раз за последние, с Болотной, годы показалось: **у нас есть гражданское общество**. Последовали переговоры, первое лицо государства – насколько это известно – согласилось отменить наиболее одиозные и разрушительные для отечественной науки предложения анонимных авторов законопроекта. В какой-то момент возмнилось: пусть и с потерями, пробоинами, но корабль Академии продолжит свой ход (ведь не за морями уже ее трехсотлетие; старейший российский светский институт!). – А затем между 11 и 17 сентября власть молниеносно разыгрывает комбинацию по «окончательному решению» академического вопроса. Все было сделано столь виртуозно, что к возмущению, обиде, непониманию добавились удивление и невозможность поверить во все это. Онемели уста, перехватило дыхание, глотку забило унижением.

И вновь, как в молодости, грохнул Галич: «Ты ж советский, ты же чистый, как кристалл! / Начал делать – так уж делай, чтоб не встал!» «А я ему по-русски, рыжему: / «Как ни целься – выше, ниже ли, / Ты ударишь – я, б.., выживу, / Я ударю – ты, б.., выживи!». «Ты, б.., думаешь, напал на дикаря? А я сделаю культурно, втихаря, / Я, б.., врежу, как в

парадной кирпичом! – / Этот, с дудкой, не заметит нипочем!»²⁵.

Не надо морщиться от неприличного слова, от уголовной лексики. Александр Галич был великий поэт и аутентично представлял мир, людей, их язык. Эта эстетика, этот экспрессионизм в полной мере выражают ментальность тех, кто осуществил очередной, бандитский наезд на русское гражданское общество, причем в особо циничных, издевательских формах. (Честно говоря, с молодых ногтей не испытывал такого бессильного унижения. Помню, как нас, мальцов-первоклашек, старшие переворачивали головой вниз и, держа за ноги, вытряхивали копейки, которые родители давали на чай и пирожки. Обидно было до слез, да и сдачи этим верзилам не дашь...)

И вновь русская поэзия дает **формулу** того, что произошло: «Люди сметки и люди хватки / Победили людей ума – / Положили их на лопатки, / Наложили сверху дерьма. / Люди сметки, люди смекалки / Точно знают, где что дают, / Фигли-мигли и елки-палки / За хорошее продают. / Люди хватки, люди сноровки / Знают, где что плохо лежит. / Ежедневно дают уроки, / Что нам делать и как нам жить...» (Б. Слуцкий)²⁶.

---

²⁵ Галич А. Отрывок из репортажа о международной товарищеской встрече по футболу между сборными командами Великобритании и Советского Союза // Весь Александр Галич (1918–2003): К 85-летию со дня рождения. – М.: Мороз рекордс, 2003.

²⁶ Слуцкий Б. Люди сметки и люди хватки // Слуцкий Б. Я историю излагаю...

Так выходит, что «болезнь» (по А.И. Солженицыну) нас не оставила, что «советское» совсем не «прошлое»? Более того, может, перефразируя Е.И. Замятина, «советское прошлое» – наше будущее? Возможно. Но это вполне ожидаемый вывод. И стоит ли ради него огород городить? Думается, на самом деле ситуация сложнее. Ну, конечно, мы еще «больны», и у советского сохранился немалый потенциал. Важнее другое: да, наша самоэмансипация – громадное достижение русской истории. Однако ее, так сказать, вялоэволюционный характер наряду с плюсами имел (имеет) существенные минусы. Может быть, наиболее неприятный из них в том, что «болезнь» стала привычной, в известном смысле даже необходимой. То есть она уже и не болезнь вовсе, не девиантность, но – норма, нормативность для «русского настоящего». Полагать день сегодняшний преодолением (пусть и не окончательным) советизма нельзя. А это означает, что в начале XXI в. «русское» и «советское» почти равны друг другу (конечно, полной идентичности нет). И потому название моей книги («Русское настоящее и советское прошлое»²⁷) следовало бы изменить на «Советско-русское настоящее-прошлое»...

Впрочем, это более или менее понятно. А вот стиль, тип поведения власти в ходе ее победоносного блицкрига против

– М.: Правда, 1990.

²⁷ Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, 2014. – 336 с.

Академии наук (эх, не нашлось у нас своего Жукова, да и мы не уперлись, как наши отцы и деды под Москвой...) все-таки малообъясним. Зачем **так**? Просто Черчилль какой-то: «a riddle wrapped in a mystery inside an enigma»²⁸... В общем мы вновь возвращаемся к теме «власть».

Но сначала скажем о значении для русского настоящего двух событий. Одно произошло в середине 80-х, второе незадолго до окончания 13-го года.

...16 декабря 1986 г. Михаил Горбачев позвонил сосланному в Горький академику Андрею Сахарову, который был главным символом противостояния коммунистическому режиму. Именно тогда стало ясно, что заявления верхов о начале новой эры – не очередной приступ демагогии, но действительные намерения. При этом Сахаров выдвинул условие своего возвращения в Москву и включения в процесс преобразований: освобождение политических заключенных. Михаил Сергеевич согласился и сдержал свое слово. А за несколько дней до этого в одном из пермских лагерей умер Анатолий Тихонович Марченко. Он объявил голодовку, требуя, чтобы мировое сообщество заставило советские власти прекратить уничтожение инакомыслящих (уничтожение – не перебор; популярный ныне Андропов за несколько лет до этих событий перешел к физической расправе над активистами диссидентского движения)...

---

²⁸ Черчилль У.: Россия – это загадка, завернутая в тайну, помещенная внутри головоломки // Черчилль У. Радиовыступление по Би-би-си 1 октября 1939 г.

В 1993 г. Россия провозгласила себя демократическим, конституционным, правовым, социальным государством. Ее строй базируется на принципах разделения властей, верховенства закона, примата международного права над национальным. Статьи Основного закона 1993 г., посвященные правам человека, могут быть признаны образцовыми для мирового сообщества. Свобода слова достигла небывалого для истории Отечества уровня.

Прошло двадцать семь лет.

19 декабря 2013 г. президент РФ В.В. Путин, закончив традиционную ежегодную пресс-конференцию, неожиданно заявил, что бывший олигарх М.Б. Ходорковский попросил у него помилования и получит его. Действительно, 20 декабря 2013 г., через десять лет и два месяца после ареста, в День работников госбезопасности (96 лет со дня учреждения ВЧК) Михаил Ходорковский был освобожден.

Два этих события, конечно случайно, пришлись на декабрь²⁹. Действующие лица этих историй не похожи друг на друга. Объединяет случившиеся два события только одно: слава Богу, страдальцы были освобождены. Все остальное

---

²⁹ А может быть, и не случайно. Напомним об одном эпизоде. 19 декабря 1999 г. «Единство» победило на выборах партию «Отечество – Вся Россия». На следующий день, 20 декабря, по инициативе В.В. Путина на Лубянке была восстановлена памятная доска Ю.В. Андропову. Вечером 20 декабря, в День работника органов госбезопасности, выступая в том же здании, Путин сказал: «Группа сотрудников ФСБ, направленная вами в командировку для работы под прикрытием в правительство, на первом этапе со своими задачами справляется» (Литературная газета. – М., 1999 . – № 51/52).

настолько несхоже, что даешься диву. На что потратили более четверти века?

Нет, время ныне другое. 20 декабря 2013 г. полковник запаса КГБ СССР Путин отпустил на свободу бывшего комсомольского функционера. Но теперь он служит в должности президента России, а комсомолец, в 90-е став одним из наиболее успешных олигархов («сорохватов», по терминологии А.И. Солженицына), в «нулевые» превратился в самого знаменитого зэка России, для многих в символ сопротивления авторитарному режиму и надежду либеральной обществу.

Такова ретроспективно-сравнительная диспозиция двух громких событий русской истории новейшего времени.

А теперь – о другом.

Как разуместь решение Путина выпустить Ходорковского? Думаю, это была еще одна победа президента. До нее – Сирия, Иран, Украина³⁰, формирование большой коалиции в Германии (эти победы, как вскорости выяснилось, оказались пирровыми, но именно к ним тогда стремился Владимир Владимирович). Освобождение Ходорковского – такой браваурный финал большой музыкальной композиции.

Чего же хотел достичь этим освобождением наш президент? Кажется, правы все комментаторы этого события. Здесь – стремление улучшить имидж России перед Олим-

---

³⁰ Мы еще не знали, что нас ждет Крым, Донецк–Луганск, а тогда, в конце 13-го, напомним, удалось отговорить Януковича от подписания соглашений с ЕС.

пийскими играми, желание послать человеколюбивый мес-сидж и Западу (уж больно расстроились там после догово-ренности с Януковичем), и русскому обществу (власть забо-тится обо всех, даже заблудшую овцу хотя сначала жестко и справедливо накажут, но потом великодушно помилуют), и правящей верхушке (могу всё, вашего мнения не спраши-ваю, до конца никого не уничтожаю, но более всего ценю преданность).

Наверное, люди, придумавшие и продумавшие эту спецо-перацию, полагали одним выстрелом убить всех зайцев. И им это удалось (см.: Сирия, Иран, Украина, большая коали-ция). Но значение этого события, конечно, в другом.

Когда-то, довольно давно Игорь Клямкин и Андраник Мигранян испугали прогрессивную перестроечную обще-ственность перспективой установления у нас диктатуры. Ну, пусть не диктатуры, а лишь твердой власти, авторитаризма по-научному. Они объясняли это тем, что демократия сразу после коммунизма невозможна. Мы к ней когда-нибудь при-дем, но пока, в переходный период, для проведения всяче-ских (экономических в первую очередь) реформ необходима сильная рука сверху. – В те эйфорически-эмансипационные времена слышать это было странно. Ведь до царства свободы (и изобилия) оставалось-то самое большое «пятьсот дней».

Но если бы наша общественность была пограмотней, она, конечно, вспомнила бы, что русская мысль в эмиграции, да и в СССР обо всем этом уже сказала. К примеру, Иван

Ильин (столь любимый ныне, но не тогда) или многое интеллектуально взявший у него Александр Солженицын, мечтавшие о просвещенно-правовом, духовно-благородном авторитаризме. Идея посткоммунистического авторитарного транзита, о которой почему-то забыли на рубеже революционных 80–90-х, довольно интенсивно обсуждалась в 70-е. Скажем, мой учитель, покойный профессор Николай Никанорович Разумович (фронтвик, сын расстрелянного священника, историк мысли, правовед, человек, повлиявший на формирование многих тогдашних молодых ученых) неоднократно утверждал: скоро коммунизм падет, СССР развалится, Украина, Белоруссия, балтийские страны уйдут на Запад, настанут экономически очень тяжелые времена. И в этих условиях, держа своей целью либерально-демократический порядок и правовой строй, Россия неизбежно выберет себе форму «полицейского государства». Для того чтобы сдержать общество от гражданской войны, чтобы вообще удержаться и не повторить Февраля. Правда, Н.Н. Разумович, говоря «полицейское государство», подразумевал «Polizeistaat» Нового времени, а не какое-нибудь новое издание казарменной полицейщины. То же самое надо сказать и о линии Ильина–Солженицына.

Но Россия вновь всех обманула и обманулась сама. Она, конечно, возвела здание авторитаризма. Субъектом строительства и эксплуатации, как нам известно, стали «славные ребята из железных ворот ГПУ» (это Осип Мандельштам –

на нынешнем языке – о спецслужбистах). Об этом сейчас пишут все, кому не лень. Мне же важнейшим здесь кажется следующее. Во времена «оттепели» (и моего детства) утверждалось, что при Сталине «органы» вышли из-под контроля партии, и это-то наряду со злой волей отца народов объявлялось причиной террора. Соответственно, задачей дня становилось возвращение контроля партии за деятельностью чекистов. Надо признать: партийцам это в целом удалось. Несмотря на всю свою мощь, КГБ подчинился ЦК. Им убедительно и показательно напомнили, что они не сами по себе, а органы при партии; на официальном языке – при государстве. Это и было зафиксировано в названии: КГБ при Совмине СССР. И вот в начале XXI в. в новых исторических условиях «органы» берут реванш. Они главенствуют и господствуют, наверное, во всех сферах русской жизни. Иными словами, «партия» опять под спецслужбами. Реванш взят!

Таким образом, мы получили чекистский авторитаризм. Кстати, символически это зафиксировано в триумфе Сталина и ничтожестве Хрущева в народном сознании.

Различие между партийцами и чекистами кардинальное (все-таки не получилось того, о чем мечтал Григорий Зиновьев: каждый коммунист – чекист, каждый чекист – коммунист). Партийцы, хотели они этого или нет, но всегда были ограничены некоей долей публичности, официальщины, идеологической формальности. В общем вслух они были обязаны «исповедовать» определенные «принципы». Разу-

меется, эти принципы были для них не догмой, а руководством к действию. И, решая те или иные вопросы, они вели себя, так сказать, практически, т.е. цинично. Тем не менее рамки существовали.

Что касается чекистов, то история их повседневности была такова: им просто приходилось каждый день преодолевать любые принципы и рамки. Это к ним «относится» название самой романтической книги самого романтического поэта России XX столетия: поверх барьеров.

Надо сказать, что партийцы не заметили, как ЧК начала брать реванш. ЦК направил в КГБ одного из самых эффективных своих менеджеров – Ю.В. Андропова. И этот человек (удивительно, что по-гречески его фамилия: «человеков») постепенно вернул КГБ надлежащее положение в системе. Надлежащее – значит решающее.

Это говорит о том, что Ленин (в отличие от Сталина), Хрущев и Брежнев в принципе в корне не понимали, какой порядок они создали и осуществляют. Ну, двум Ильичам это простительно: один начал, другой кончил. А вот Никита Сергеевич мог бы догадаться, что гэбьё надо рубить под корень. Ведь в шестьдесят четвертом именно «железный Шурик» и его друзья из органов были зачинщиками заговора против «мужицкого царя Никиты».

Ю.В. Андропов возродил и возвел на новые высоты чекистское племя. При нем вновь стало почетно и престижно работать или сотрудничать с КГБ. С этой службы удалили

палаческий «нимб». Ее новый статус был закреплен в общественном сознании в кинохитах «Щит и меч», «Адъютант его превосходительства», «Семнадцать мгновений весны», «Вариант «Омега»», «ТАСС уполномочен заявить». Все это – эстетическо-информационные продукты высшего качества (не иронизирую). И вполне понимаю чувства В.В. Путина, увидевшего подростком сериал «Щит и меч» («С чего начинается Родина...» – с чего, чего? – со службы в ГБ).

Но Андропову удалось и другое. При нем КГБ, особенно те его направления, которые работали за пределами страны, на самом деле комплектовались способными, энергичными, честолюбивыми, квалифицированными людьми. Им давалась счастливая возможность учить иностранные языки, работать за границей, в целом вести образ жизни, гораздо более качественный, чем обще-серо-уныло-эсэсэровский. Более того, определенная выведенность из брежневской системы позволила сохранить в их рядах и определенную «чистоту». То есть по большей части в силу объективных обстоятельств они оказались за пределами разлагающе-освобождающей коррупционности брежневизма.

М.С. Горбачев рассказывал (25 мая 2005 г.; семинар, посвященный двадцатилетию начала перестройки, на котором я присутствовал), что когда он стал членом Политбюро (1979), то был ознакомлен с данными КГБ СССР, согласно которым советская экономика примерно на 25% является теневой. Но это была лишь часть «коррупционной состав-

ляющей» системы. Коррупция – это ведь не только взятки и незаконные производства, но и вообще неправовые передел и договоренности по поводу вещественной и невещественной субстанций (например, пристроить сына в университет, получить орден или разрешение на покупку иномарки – речь ведь идет о советском периоде). Андропов понимал, что это гниение, разложение советской системы. От себя добавлю: в такой извращенной форме происходило и освобождение от нее.

Юрий Владимирович хоть и прославился своим парадоксалистским высказыванием: де, мы не знаем страны, в которой живем, – очень даже хорошо ее знал. И бросил свои чекистские силы на спасение системы. Это не означает, что он был чекистом до мозга костей, чекистом по преимуществу. Нет, скорее, он был даже похож на партийца. В его жизненном устройстве была какая-то интрига, может быть, связанная с его неясным происхождением, а может, и с чем-то другим. В настоящих чекистах интриги нет, поскольку их профессия плести интриги. А плести могут только безынтрижные. Но как бы там ни было, этот странный Андропов сыграл в истории спецслужб решающую роль. Сейчас гадают, кем бы занять место «железного Феликса» на Лубянке. Предлагаю: Юрием Владимировичем. Кстати, со мной согласен и такой авторитетный человек, как А. Кончаловский. – Он снял об Андропове комплиментарный фильм.

Поначалу, как мы знаем, эксперимент был поставлен в

Азербайджане, одной из наиболее коррумпированных республик юга СССР. Шеф тамошнего КГБ Г.А. Алиев возглавил ЦК республики, абсолютно повсюду расставил своих (чекистских) людей и взял под контроль всю республику. Заметьте, Азербайджан и сейчас – под контролем клана Алиевых. Бакинский вариант оказался модельным и для будущей России.

И здесь, у нас, после небольшого демократического эксперимента у власти оказались дети Андропова. Они пришли на смену детям Арбата. Сегодняшний управляющий слой – это настолько-то процентов... (точно знает О. Крыштановская³¹) выходцы из КГБ, причем не только советско-андроповского призыва, но уже и постсоветского, современного.

Политическая наука утверждает: политика есть поле деятельности, конкуренции и сотрудничества элит. Допустим, что это так. Какие элиты правили Россией в XX столетии? При этом не будем говорить о царских. Все-таки XX век начался у нас в 1917 г. Тогда ответ прост: номенклатура. Ее в 1920 г. принялся создавать И. Сталин. Идея была проста: иметь универсалов-управленцев, могущих руководить всеми сферами жизни общества, от идеологии до химии, и лишенных (впервые в новой истории) частной собственности. Этот проект провалился. Оказалось, что человек хочет **иметь** (в этом смысле абсолютно ложной является дилемма популярного неомарксиста Эриха Фромма: иметь или быть;

---

³¹ О.В. Крыштановская – социолог, специализируется на изучении элит.

русская жизнь подправила этого мечтателя: быть – это значит иметь).

В рамках советской системы возникло два новых проекта. Правда, проектами их можно назвать только сегодня. Тогда, естественно, мы их так не понимали. – Слишком рано было. Проект первый: партийная номенклатура становится частными собственниками, или, по модному ныне выражению, хозяйствующими субъектами. Проект второй: ими становятся чекисты, которые уже были призваны к этому делу Андроповым.

Исторически возобладал второй проект. И понятно почему. Партийная аристократия во главе с Л.И. Брежневым была глубоко интегрирована в коррупционно-передельный порядок 1960–1980-х годов. И вместе с этим порядком – совершенно неожиданно для себя, как «Титаник», – налетела на «айсберг». Что касается чекистов, то на «Титанике» находилась только их часть. Остальные (оставшиеся) и пришли на смену.

В этом – принципиальное отличие антикоммунистической революции от антисамодержавной. В той сгинули все без исключения элиты старого режима. В этой победила одна из двух главенствующих элит предшествующего порядка (правда, и некоторая часть партийцев сумела пристроиться к новому русскому порядку, но многие оказались в офсайде)³².

---

³² Кстати, конфликт «Путин – Ходорковский» помимо противостояния Власти и Собственности, в ходе которого последняя выдвигала претензии, подобно Вла-

Такой вывод, подчеркнем, предполагает дополнительное изучение советской системы. Это тема соотношения двух главных ее элит. Она подразумевает вопрос: почему режим советского типа порождает две типологически близкие, но разные элиты. И не являются ли борьба, сотрудничество, компромисс двух этих элит «переносом» в XX столетие ситуации, описанной более века тому назад В.О. Ключевским: в России нет борьбы партий, но есть борьба учреждений (тогда главными акторами были МВД и Минфин). В социумах подобного типа конкуренция социальных сил, видимо, заменяется конкуренцией привластных группировок. Это не значит, что последнее есть девиантность, но – особый и малоэффективный тип саморегуляции общества...

сти, на статус Субстанции, что означало бы конец исторического доминирования в России феномена «властесобственность», можно трактовать и иначе. В известном смысле, это было противостояние в новых условиях «чекистов» и «партийцев». Ведь Михаил Борисович, не случись горбачевской перестройки, вполне возможно сделал бы хозпартком. Многообещающий комсомольский работник, всегда узнаваемый тип позднесоветского молодого общественника – Комитет ВЛКСМ вуза, Фрунзенский райком комсомола, скорее, что было непросто, членство в КПСС. По собственному признанию, всегда (в 90-е) тяготел и брал за образец талантливых дельцов-партийцев: Геращенко, Вольского, Маслюкова и др. Конечно, это лишь осторожное предположение, которое возникло при чтении книги: Ходорковский М., Геворкян Н. Тюрма и воля. – М.: Говард Рорк, 2012. – 400 с.

О Первой мировой войне и очередных задачах нынешней власти

В самое последнее время обнаружилась тенденция трактовать финал Первой мировой войны для России следующим образом (причем, именно обнаружилась – она еще не возобладала; но сам факт ее появления весьма значителен). – Утверждается: Россия проиграла эту войну, хотя русские, как всегда, проявили свои великие качества: мужество, стойкость, самоотверженность и т.д. То есть со стороны нашего народа это был очередной исторический подвиг, но бездарные царь и верхушка тогдашнего русского общества, а также злонамеренные и безответственные действия «темных сил» сорвали уже близкую победу. Позорный Февраль и какой-то пока еще не очень ясный Октябрь (не очень ясный для нынешних верхов – до конца не определились) стали вехами на пути поражения Великой России. Однако правительство большевиков, заключив договор с Германией и Австро-Венгрией, вывело Россию из мировой бойни.

Брестский мир – одно из важнейших событий в русской истории XX столетия – по сей день не получил какого-то очень важного, решающего определения: что это было? Ведь как ни крути, как ни поноси большевиков, но разве окончание кровавой драки есть предательство национальных интересов? Понимаем этот термин в самом практическом смысле

слова: сбережения народа. Действительно, ну, отдали территории (около 1 млн кв. км) с людьми (миллионов **эдак пять-десять**). Но ведь сотни тысяч были спасены от предстоящей им смерти – людей молодых, здоровых, за которыми будущее. Да и немецкая армия пришла в Белоруссию, на Украину, на Дон и т.д. не как вермахт с гестапо и СС через четверть века. Тогда еще немцы (впрочем, и мы) были нормальными. Никакого особого ужаса войска Второго рейха на землях Российской империи не творили. Более того, свидетельствуют очевидцы тех событий, они пытались установить хоть какой-то порядок на территориях, впавших в хаос русской революции.

Так, может, правы те, кто сегодня пытается (и, наверное, у них официально это получится) выдать позорный Брестский мир за русский финальный аккорд в Первой мировой войне? Кстати, хочется напомнить: Брестский мир в качестве позорного квалифицировал В.И. Ленин. Этот циничный человек никогда никого не обманывал. И если он что-то обещал или как-то называл, то это всегда было прямо и по существу. Так что же получается? Современная демократическая Россия признает позорный и вынужденный Брестский мир событием, за которое отвечает историческая Россия (мы ее не идеализируем; действительно, это была «страна рабов, страна господ»; но другой России у нас нет – именно та была исторической; и она никогда в своей новой истории, т.е. со времен Петра Великого, не могла, не хотела и не прибегала

к действиям типа Брестского мира; максимум, на что была готова историческая Россия, – это Парижский мирный договор 1856 г., смысл которого только в том, что Россия – и ее верхушка это отчетливо понимала – на время отказывалась от сегодня малопонятной, но навязчивой в предшествующие времена мечты овладеть Босфором и Дарданеллами, т.е., повторим, на время отказалась от мечты о морской экспансии; правда, вскорости, и мы уже касались этой темы, вернулась к ней³³).

Получается (скажем, неожиданное): современная Россия полагает, пусть и в неявной форме, Брестский мир основой своей легитимности. А ведь что, собственно, связывает Российскую Федерацию с империей? По сей день ни юридически, ни всерьез исторически нынешняя власть не определи-

---

³³ А вот ныне мы, легко минуя Босфор и Дарданеллы, без участия военно-морского флота и танковых армий, а также славной авиации, входим в Европу. И не с помощью и посредством четырех Украинских и двух Белорусских фронтов, но через Норд-стрим и Зюйд-стрим. Перефразируя известную русскую поговорку, скажем: чем богаты, тем и можем. Как и предполагал великий русский мыслитель В.В. Розанов, пошлое, т.е. нормальное, обычное, возобладает над героическим, т.е. высоким и жертвенным. Победителями оказались не русские цари и Милоков, а газ и нефть. И в этом смысле знаменитые слова Александра III, что единственными союзниками России являются армия и флот, предлагаем перефразировать: газ и нефть. – Это было написано до Крыма, Луганска, Донецка. Оказывается, что все-таки «армия и флот» неокончательно сданы в архив. И как-то само собой вспоминаются слова Мирабо: «Пруссия – это не государство с армией, а армия с государством». – Как же я был наивен и недальновиден, когда писал это! Вот и Зюйд-стрим накрылся. И цены на газ–нефть полетели вниз. И вновь актуальны армия и флот.

ла себя преемницей тысячелетней России. Есть ряд заявлений всех трех президентов РФ, которые можно было бы толковать так. Есть концепция нового школьного учебника, которая тоже, вроде бы, говорит об этом. Но это все-таки признаки и знаки, а не общественные и государственные установления, особенно на фоне активной любви к Сталину и ко всему советскому.

Так вот, Брестский мир здесь как раз и подходит. Через него большевики, неожиданно для них самих, связываются с царизмом. И нынешний режим также, поскольку Россия объявила себя правопреемницей СССР. При этом, поскольку Первая мировая война признается теперь началом XX в., ее заключительная фаза становится важнейшим событием, а Февраль и Октябрь 1917-го теряют свои позиции в исторической памяти.

Короче говоря, начало русского XX в. выглядит так. Позорный царизм в лице неудачливого Николая II, несмотря на предупреждения пронизательных русских революционеров, реакционеров и консерваторов (заметим, всякие там либералы и марксисты-ревизионисты поддержали эту авантюру), вступил в самоубийственную для русского народа войну. Но, как теперь стало известно (и мы уже говорили об этом), русский народ в своем большинстве проявил всегда присущий ему героизм. И если бы не эти ретроградные генералы и министры (см. об этом «Август 14-го» А.И. Солженицына), конечно же, разгромил бы германцев и австрияков. Большеви-

ки, которые были олицетворением нечистой силы, – ну, не все, конечно, а Ленин и его компания (об этом с гоголевской гениальностью писал в своем «Ленин в Цюрихе» все тот же А.И. Солженицын; однако были еще Сталин и его будущая компания – а это уже приемлемые люди³⁴) заключили позорнейший Брестский мир. Но и в истории случается чудо. Это, казалось бы, очевидное национальное предательство помогло Ленину и Троцкому отсидеться в Кремле. Затем, умыв Россию кровью, установить диктатуру. Дальнейшее расписание движения нашего исторического поезда в XX в. хорошо известно.

Вот и получается: в начале января 1918 г. разогнав Учредительное собрание и в начале марта 1918 г. подписав Брестский мир, эти люди начали новую русскую эпоху. Отменой Учредительного собрания они закрыли (глагол «закрыли» употребляем как синоним уголовного «закрыть на зоне») вековую мечту русских свободных людей. Подписанием позорного мира покончили с традиционными русскими государственностью, территориальностью, амбициями. Впоследствии чудесным образом большевики сумели все это пре-

---

³⁴ Если верить свидетельству Вяч. Малышева, наркома танковой промышленности, в марте 1945 г. на приеме в Кремле Сталин назвал себя «славянофилом-ленинцем». Так-то вот! А я еще удивлялся, чего это Г.А. Зюганов все о соборности и соборности. Помню работы советских времен типа «Социалисты-утописты Герцен и Чернышевский – предшественники научного социализма». Пора писать монографию: «Славянофилы-утописты Хомяков и Самарин – предшественники научно-материалистического славянофильства».

вратить (конвертировать) в новую империю, новый империализм, новую социальность. Сегодняшняя Россия, безусловно, и следствие, и последствие уничтожения Учредилки и похабного мира (это вновь выражение В.И. Ленина). И по сути дела это единственное, что связывает современную российскую традицию с Российской империей.

Еще раз: это как апофатическое богословие – бытие Божие утверждается через отрицание этого бытия. Так и здесь: преемственность РФ с исторической Россией осуществляется через ряд деяний, в свое время направленных на разрушение последней. Негативная диалектика, негативное преемство.

Нет, есть еще одно. Об этом рассказал известный литературный критик Бенедикт Сарнов. В 1947 г. он ехал в поезде с вернувшимся на родину из Франции русским эмигрантом. Юноша Сарнов спросил этого пожилого мужчину, что осталось в СССР от той России, в которой когда-то жил этот будущий репатриант. Они стояли в коридоре вагона у окна. Дело было зимой. И тот ответил: только снег. Значит, современная Россия связана с дореволюционным разгоном Учредилки, Брестским миром и снегом.

Правда, современная ситуация доведена до абсурда. Учредительное собрание так и не созвано. Брестский мир реализовался: в 1991 г. Россия потеряла все те земли, которые ушли от нее и в 1918-м. К тому же (а в это вообще трудно поверить) на новый 2014 г. в России не было снега.

Сочи: земля и свобода

После весны-лета-осени четырнадцатого трудно себе представить, что еще год назад все разговоры были о Сочи. Казалось: русская жизнь сведена к Сочи. Эта была замечательная придумка для того, чтобы и людей отвлечь, и потешить, и вызвать гордость и сожаление.

Любой результат Олимпийских игр был на руку власти. Выиграем – президент герой, проиграем – замечательный способ «перебрать людишек». Поддержали бы все – от Немцова до Проханова. Кстати, то, что на юге России создается – со всеми оговорками – регион с современной инфраструктурой, неплохо. И психологически точно. Советский человек всегда полагал раем свой юг – Сочи и Крым. Но Крым только-только вернулся. Под «независимыми» впал в ничтожество, потерял всякое райско-курортное значение и, несмотря на старания и обещания, он еще не скоро наберет былую форму. Поэтому сегодня – лишь Сочи. В советском фольклоре этот город «отметился» поговоркой: «в Сочи на три ночи» (это метафора аборта, поэтически переработанная Бродским – «подмахну и сразу в Сочи»).

Итак, Сочи назначены быть парадизом. Ну, как Петр свое убежище на чухонских болотах назвал парадизом. И все получилось!

А у Путина сложится? Сложилось. – Михаил Ходорков-

ский в интервью «Новой газете» (Дмитрию Быкову)³⁵ сказал, что для него Канада есть образец для русских. Действительно, родина хоккея самая северная из всех успешных стран. Михаил Борисович объяснил, почему она столь удачлива. Подавляющее большинство канадцев, вся канадская экономика, культура, цивилизация сосредоточены на юге. На их северáх, сказал бывший олигарх, живет что-то около 400 тыс. человек. Но богатство Канады черпается именно с северóв, где, как и у нас, залегает чуть ли не вся таблица Менделеева. И в этом смысле не Португалия, как когда-то говорил нам президент Путин, является нашим целеполаганием.

Таким образом, перестройка Краснодарского края предстает перед нами как попытка создания новой Канады. В начале XX в. многие русские мечтатели (например, поэт А. Блок) полагали Россию новой Америкой. Через сто лет потомки Александра Александровича несколько снизили планку: новая Канада. И только теперь становится ясен замысел устроителей Олимпиады. В ходе ее подготовки и в результате проведения Россия сосредоточивается в Краснодарском крае. Вся остальная территория превращается в канадские северá, где бóльшая часть населения находит способы и истоки своего существования. То есть Краснодарский край, и прежде всего Сочи, превращаются в юг Канады. Вся остальная Россия, как мы уже говорили, – в новые северá.

---

³⁵ Дошел до Берлина: Интервью Дмитрия Быкова с Михаилом Ходорковским // Новая газета. – М., 2013. – 27 дек.

Надо сказать, что М.Б. Ходорковский, безусловно, человек стратегически мыслящий. Правда, как было подмечено еще в «Недоросле», география – наука недворянская. Он не заметил, что Канада «вытянута» к Северу. И там действительно главная проблема, скажем мягко, меридиальная. А у нас – параллельная, широтная. Мы – с запада на восток. И уже хотя бы поэтому Канада не может быть для нас образцом. Русская история не угрожает нам потерей солнечного Магадана и не менее солнечного Ханты-Мансийска. А вот что касается Дальнего Востока и Сибири... Или уже не наших Украины, Белоруссии...

Вообще, мне нравится новый тандем, которого пока еще никто не заметил: Путин–Ходорковский. Удивительно, что они, «судия» и жертва, мыслят по сути одинаково. Все их предложения носят этакий сочинско-олимпийский характер (подмахну – и сразу в Сочи). Главное отличие Канады от России – не в том, куда и как они вытянуты. А в том, что различие между человеком-канадцем и человеком-русским на сегодняшний день принципиальное. Канадское счастье основано на творчестве и самоотдаче свободной личности, а не на территориальной конфигурации и минеральных ресурсах. Русское счастье сродни еврейскому: оно основано на несчастье – много минеральных ресурсов, тяжелый климат и несвободный человек. Мы не случайно говорим «человек». Личность есть синоним свободы.

Однако отбросим привычные для нас псевдоэкзистенци-

альные мотивы и поговорим о материях, для нас совсем чуждых. Назовем их так: пространство, история, власть. Принято считать – и на этом основана вся русская мысль и культура, а также во многом западное руссиеведение, – что Россия отличается от Европы (Запада) огромностью своей девственно-нордической территории и «азиатским» варварством. Вообще, русское пространство становится каким-то заклинанием в попытках понять своеобразие нашего исторического процесса. Причем здесь неважно, с какой коннотацией: положительной или отрицательной.

Чаадаев: если бы мы не простирались от Вислы до Камчатки, нас бы никто не заметил. Бердяев: русская география съела русскую историю. Евразийцы с их «месторазвитием». Далее – «от тайги до британских морей Красная Армия всех сильней». Или Павел Коган (советский Гумилев): но мы еще дойдем до Ганга, но мы еще падем в боях, чтоб от Японии до Англии сияла родина моя. Кстати, скромнее всех оказывается Пушкин. У него – другой масштаб. Правда, тоже немалый: от Перми – до Тавриды³⁶. А теперь все это бросим в

---

³⁶ Всех, конечно, превзошел Ф.И. Тютчев (впрочем, не случайно, он же «мишовец»): «Москва, и град Петров, и Константинов град – / Вот царства русского заветные столицы... / Но где предел ему? и где его границы – / На север, на восток, на юг и на закат? / Грядущим временам судьбы их облачат... / Семь внутренних морей и семь великих рек... / От Нила до Невы, От Эльбы до Китая, / От Волги по Ефрат, от Ганга до Дуная... Вот царство русское ... и не пройдет вовек, / Как то провидел Дух и Даниил предрек». – Федор Иванович имел в виду пророка Даниила с его идеей сменяющихся друг друга царств (Тютчев Ф.И. Русская география // Тютчев Ф.И. Стихотворения. – М.: Правда, 1980).

корзину. Всё это стишки-с. Пространственно-властно-историческое развертывание России ничем, за исключением одного обстоятельства, о котором мы скажем позже, не отличается от соответствующих процессов в Европе.

Действительно, английские религиозные диссиденты, покинувшие родину в 1620 г. на паруснике «Майский цветок», в течение XVII столетия вполне освоили восточное побережье Нового Света. Мы начали раньше, в начале 80-х годов XVI. В 1639 г. Семен Дежнев вышел к Тихому океану. В XVIII в. Англия и Франция начали строить свои колониальные империи. Их основное направление было южным. То же самое делала Россия.

На протяжении XVIII–XIX столетий обе эти европейские метрополии и мы синхронно распространялись к югу. К концу XIX в. все три великие державы достигли максимума того, что они могли переварить. Конечно, у каждой из них были и свой максимум, и своя способность переваривать. Но общего между ними было больше, чем различий. Это общее: завоеванные территории включались в состав империи; в среде аборигенов выискивалась и выращивалась имперская элита; насаждался имперский язык; создавались территории протогосударств, которые впоследствии станут настоящими states. Различия, повторим, носили второстепенный характер.

Скажем, маркиз Доменик де Прадо, государственный деятель Португалии, в ставшей впоследствии образцовой для

европейских колонизаторов книге «Колонии» призывал пересаживать европейские модели на неевропейскую почву. Кстати, этот политический бестселлер начала XIX столетия по-своему уникален. Португалия была оплотом католической, антиреволюционной, антипросвещенческой реакции. Но менеджеральные инструкции Прадо были реализацией духа Просвещения – универсалистского, унифицирующего и тотального. Так вот, «наш Прадо» – генерал-губернатор Сибири М.М. Сперанский – счел наказ лиссабонского маркиза для русско-сибирских условий нерелевантным. Он решил – и это решение для России стало нормативным, – что к присоединенным территориям необходим дифференцированный подход. Или, как говорили в советские времена, социалистический по содержанию, но национальный по форме. Проще говоря, надо учитывать национальную (местную) специфику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.